

№11
Ноябрь 2016

РУССКИЙ КЛУБ

С юбилеем!

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КAVTAPADZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11
(133)
Ноябрь 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 СЛУЖЕНИЕ ДОБРУ И ЛЮБВИ
- 14 В ТБИЛИСИ ЗАЖГЛАСЬ НОВАЯ ЗВЕЗДА
- 16 ТБИЛИССКАЯ ПРОПИСКА
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 29 СВОБОДНЫЙ РАБ БОЖИЙ
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 32 ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА МАМУЛАШВИЛИ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 35 «ТУТА, ТУТА, ХАР ТУТА!»
ВАЛЕРИЙ ПАРТУГИМОВ
- 41 ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОМЕДИАНТ
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 45 ПОСЛАНЕЦ АНГЕЛОВ – ИЕГУДИ МЕНУХИН
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 46 АКТЕР БЫВШИМ НЕ БЫВАЕТ
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 51 СЛЕЗЫ РУСТАВЕЛИ
СВЕТЛАНА САБУЦКАЯ-БУАЧИДЗЕ

На обложке – Николай Николаевич Свентицкий
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

МИХАИЛ ТАЛЬ

Выдающемуся советскому шахматисту Михаилу Талю в этом ноябре исполнилось бы 85 лет. Наверное, по нынешним временам его следовало бы отнести по происхождению к знаменитым уроженцам Латвии, но сам он считал себя русским интеллигентом. Гением Михаил проявил себя с самого детства. У него была феноменальная память, и он слово в слово мог повторить лекцию своего отца – знаменитого врача. Играть в шахматы он начал в десятилетнем возрасте, чемпионом республики стал в семнадцатилетнем, а первенство СССР выиграл чуть за двадцать. Претендентом на шахматную корону Таль стал в двадцать четыре года, а год спустя вошел в историю, как VIII чемпион мира по шахматам, победив Михаила Ботвинника. Правда, удержать титул ему не удалось – Ботвинник был взрослее, опытнее и гораздо более психологически стойким. Через год в матче-реванше Михаил проиграл ему. Но в дальнейшем, в самых разнообразных

турнирах Таль чаще был сильнее. Он долго сохранял прекрасную спортивную форму и постоянно был в числе претендентов, но был ему отмерен не очень долгий век. Он ушел в возрасте 55 лет в самом расцвете творческих сил.

РОМАН ЗА КАРТОЧНЫЙ ДОЛГ

Он был страстным игроком, но игроком неудачливым – не исполнял главную «игроцкую» заповедь – никогда не отыгрываться. В итоге, перед днем своего 45-летия этому великому писателю с мировым именем угрожала натуральная «долговая тюрьма». И он был вынужден продать вместе с авторскими правами свой новый, недописанный роман под названием «Игрок». Но не успевал сдать его к сроку, а изрядный гонорар уже был выплачен и даже потрачен на долги. Тогда-то и появилась в его доме молодая барышня, стенографистка Анна Григорьевна Сниткина, которой он для скорости решил надиктовывать текст романа. Позднее она станет его второй женой, матерью его ребенка, и он ее выведет в своей книге под именем Неточка Незванова. Они успели сдать роман в самый день его рождения.

11 ноября исполняется 195 лет со дня рождения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского... и 150 лет окончанию работы над романом «Игрок».

ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ПОЭТА МАЯКОВСКОГО

Говорят, что она поработила великого Владимира Маяковского. Стала его повелительницей и работницей, как женщина-вамп из плохих сентиментальных женских романов. Да и красавицей ее назвать было трудно – приземистая фигура, тяжелая нижняя челюсть, жгучие цыганские глаза. Наверное, ее необычайная женская сила оказывала на мужчин магнетическое влияние. И они летели на ее «огонь», заваливая ее цветами, подарками, умоляя о взаимности. Как говорили, Лиля была дочерью своего века – века перемен, революций, и не только политических, но и сексуальных: менялся привычный уклад жизни, правил приличий и даже моды. Лилия Брик была душой модного столичного литературного салона, куда однажды попал высокий, гром-

коголосый и вызывающе одетый модный поэт-горлопан. Попал и пропал – поработила его любовь к замужней женщине. Так дальше и пошло на радость сплетникам: любовь на-троих, жизнь на два дома, все немалые гонорары «в одни руки... женские». И выхода от страсти Владимир Владимирович так и не нашел. Но и банальной потребительницей Лилия не была, она стала настоящим режиссером жизни Маяковского, его литературным агентом и, как бы сейчас сказали, его пиарщиком. Она не давала ему сваливаться в богемное существование, с бессонными ночами и чтением вслух стихов, с постоянным мельтешением полужнакомых лиц, женщинами,

алкоголем. Она быстро убрала из его гардероба эпатирующие вещи, наподобие знаменитой желтой блузы, и Маяковский стал одеваться в элегантные костюмы, носить шляпы и опираться на изящные трости. Она заставляла его регулярно работать, не дожидаясь вдохновения, говоря, что «над словом надо работать, как танцор у станка». Лиля Юрьевна считала, что поэтам полезно страдать: «Ничего, – говорила она, – Володя пострадает, пострадает и напишет что-нибудь гениальное». Другими словами, Лия Брик была не просто музой поэта, но и высокоорганизованным центром управления его жизнью. И эта организованная и гиперопека вкупе с идеологическим гнетом советской действительности привели национального гения к личной катастрофе.

Лиля Юрьевна Брик родилась 11 ноября 1891 года.

КАК ДЕНДИ ПРИШЕЛ В РОКЕРСКИЙ КЛУБ

Это случилось промозглым ноябрьским вечером ровно 55 лет назад. У подвального входа в популярный молодежный клуб «Пещера» в портовом районе Ливерпуля остановился элегантно одетый молодой человек. Он был совершенно не похож на потрепанных посетителей этого неопрятного подвала. Опоздавшие к началу концерта толпились на выщербленной лестнице, ожидая своей очереди. Молодого человека ждали, его сразу провели в прокуренный обшарпанный зал. Очередь с ненавистью тихо заворчала – вот, всякие денди приперлись..., здесь наше место..., а нормальному рокеру не пробиться, чтобы послушать Джона и Пола. Внутри грохотала музыка, мелькал стробоскоп, ревели ги-

тары и фонили микрофоны. Денди через толпу пробирался ближе к сцене, на которой метались лохматые молодые парни с гитарами. Но через несколько минут денди замер, как замороженный, жадно вслушиваясь в слова очередной необычайно мелодичной песни. Он так и просидел, глубоко задумавшись, напряженно взвешивая что-то в уме, и явно принимая какое-то важное решение. А когда натанцевавшаяся и перебравшая пива публика стала расходиться, денди подозвал к себе дежурного администратора клуба и что-то негромко ему сказал, показав взглядом на музыкантов, разбиравших свою аппаратуру. Денди звали Брайан Эпстайн. А на следующий день в его офис пришли давешние музыканты, и они вместе составили контракт и создали группу под названием «Битлз». Их ожидала скорая мировая слава, бешеная популярность, богатство и всеобщее признание. Но это уже совсем другая история... 9 ноября 1961 года Брайан Эпстайн познакомился с Джоном Ленноном, Полом Маккартни, Джорджем Харрисоном и Ринго Старом в «Кэверн клуб».

БЕССМЕННАЯ АКТРИСА ИМПЕРАТОРСКОГО МАЛОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР

В ноябре российская театральная общественность отмечает полутораветковой юбилей великой русской драматической актрисы Александры Яблочкиной. Хотя она и сердилась, когда ее именовали великой, считала себя просто хорошей. Яблочкина прожила почти век, не дожив двух лет до своего столетия. В последний раз вышла на сцену в возрасте 95 лет – невероятное долголетие! На нашей памяти дольше играли только Владимир Зельдин и бессмертный Спартак – Кирк Дуглас. Александра Александровна родилась в Петербурге в семье людей искусства и вопроса о какой-либо другой стезе у нее даже и не возникало. Яблочкина поступила на сцену, посвятив ей всю жизнь. Сосчитать все роли, сыгранные ею за век, почти невероятно. Сохранилось немало свидетельств современников, описывающих свои ощущения от

ее игры, и все в превосходных тонах. Вот слова ее великого современника из конкурирующего Художественного театра великолепного Василия Ивановича Качалова: «Необычайно красивая, изящная, простая, она поразила меня своим сценическим благородством, тонкостью исполнения и громадным чувством меры». Почему-то на кинолентку ее игра почти не попала, но в радиоподписанных спектаклей с ее участием. Работа в театре отнимала все ее время, и Александра Александровна так и не завела семью. Ее заменили ей студенты, коллеги и друзья, которыми всегда был полон ее гостеприимный дом. Она была цельным человеком и не меняла привязанностей. Яблочкина даже работала только в одном и том же театре – московском Малом. А еще она была героиней бесчисленных легенд и театральных баек, и все они какие-то добрые и немного трогательные. Вот одна из них: Александра Александровна задремала на одном официальном собрании, где ей надлежало выступать с приветственным словом, и проснулась, когда ее чуть толкнул кто-то из коллег. Яблочкина мгновенно включилась и поставленным голосом начала: «Мы, актеры ордена Ленина Его Императорского величества Малого театра Союза ССР...» Громовой хохот не дал ей закончить.

Между прочим, Яблочкина играла два сезона на сцене Тифлисского театра русской драмы в 1885-86 годах.

СЛУЖЕНИЕ ДОБРУ И ЛЮБВИ

МИХАИЛ ШВЫДКОЙ

*Специальный представитель
Президента Российской Федера-
ции по международному культур-
ному сотрудничеству,
Посол по особым поручениям*

Дорогой Николай Николаевич!
Сердечно поздравляю Вас с юби-
леем!

Вы всегда были преданным
гражданином Грузии, который умел
строить мосты между нашими стра-
нами.

В наше непростое время вы про-
должаете напоминать грузинам об
их любви к Пушкину, а русским – к
Важа Пшавела.

Я бесконечно благодарен Вам
за то, что Вы смогли сохранить не
только «Русский клуб», но и русский
театр в Грузии. Нам всем действи-
тельно повезло, что русская культу-
ра определила вашу жизнь в той же
мере, что и грузинская.

Многие лета и всяческих успехов,
дорогой Николай Николаевич!

кренные поздравления с юбилеем!

Всем сердцем отдаю должное
вашим прекрасным человеческим и
профессиональным качествам, жиз-
нелюбию и таланту!

Ваша деятельность наполнена
огромной жизненной энергией и опти-
мизмом, вы всегда уделяете особое
внимание вопросам сохранения ду-
ховных ценностей, традиций русской
театральной школы и укрепления
культурных связей между Грузией и
Россией. Сегодня вы продолжаете
и приумножаете эти традиции и тем
самым способствуете укреплению
дружеских и творческих связей.

Искренне желаю крепкого здоро-
вья, долгих лет жизни, неиссякаемой
энергии, гениального вдохновения и
окрыляющих успехов!

Пусть в вашем доме всегда будут
мир и добро, а творчество приносит
радость и прибавляет сил!

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН

*актер и режиссер театра и
кино. Народный артист РСФСР, лау-
реат двух Государственных премий
СССР, председатель Союза теа-
тральных деятелей РФ, член Обще-
ственной палаты России*

Уважаемый, дорогой Николай Ни-
колаевич!

Я от всей души поздравляю вас с
юбилеем и присоединяюсь ко всем
самым добрым и теплым пожела-
ниям, которые звучат в ваш адрес.

Свою жизнь вы связали с Тбилис-
ским русским драматическим теа-
тром им. А.С. Грибоедова 30 лет на-
зад и все эти годы вкладываете всю
свою душу в театр, который, я знаю
точно, стал для вас по-настоящему
родным домом. Вашим мнением
дорожат коллеги, к вам приходят со
своей болью, делятся радостными со-

бытиями и для каждого из них у вас
находится доброе слово, внимание,
участие. Вы знаете своих артистов
как никто другой, вы заботитесь о
них и эта забота, в прямом смысле
слова – отцовская забота и отцов-
ская любовь, если бы каждый театр
имел такого директора, как вы – это
было бы истинное счастье для полно-
ценного творчества. И это касается
не только артистов. Вы – директор
одного из старейших театральных
коллективов за пределами России и
во многом благодаря вам о театре
помнят, знакомы с его постановка-
ми, ведь столько, сколько ездит на
гастроли Тбилисский русский дра-
матический театр, не ездит ни один
из театров бывших республик Совет-
ского Союза.

Вы все делаете для того, чтобы
сохранить традиции русской теа-
тральной школы, для развития теа-
тра, для его процветания, направля-
ете все свои силы на расширение и
укрепление культурных связей меж-
ду Грузией и Россией. Ваша деятель-
ность вызывает искреннее уважение
у коллег повсюду, где вас знают, и
эти творческие и дружественные
связи проверены временем.

Дорогой Николай Николаевич!
Дай Бог, чтобы и в дальнейшем все
у вас складывалось так, как вы сами
того желаете, и чтобы новые творче-
ские успехи и удачи сопутствовали
вам во всех ваших начинаниях!

Всего вам самого-самого добро-
го!

ИОСИФ КОБЗОН

*Депутат Государственной Думы,
Народный артист СССР,
Герой труда России*

Уважаемый Николай Николаевич!
Примите самые сердечные и ис-

ГРАФ ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ

*председатель президиума Между-
народного совета российских со-
отечественников*

Дорогой, уважаемый друг!

Ваш юбилей радует всех нас и,
в особенности меня, вашего спод-

вижника и близкого человека.

Мы вам желаем быть все будущие годы таким же обаятельным, таким же уникальным директором театра им. А.С. Грибоедова, которому вы посвятили столько лет своей жизни и украсили произведениями великой русской культуры.

Мы желаем вам всех благ и благодарим за ваш труд в честь России, за вашу заботу об актерах и всех сотрудников. Это тяжелая задача. Но вы – молодец!

Дай Бог вам здоровья, успехов! Оставайтесь таким же прекрасным представителем России в Грузии!

Мечтаю о будущей нашей с вами встрече.

ЗУРАБ АБАШИДЗЕ

специальный представитель Премьер-Министра Грузии по связям с Российской Федерацией

Уважаемый Николай Николаевич!

Сердечно поздравляю вас с юбилейной датой!

Ваша многогранная деятельность крепко связана с русским драматическим театром им. А.С. Грибоедова, который давно стал неотъемлемой частью грузинской культурной жизни. Под вашим руководством театр добился значительных успехов, сохраняя давние традиции и следуя требованиям нашей современности. Благодаря вашему организационному таланту театр живет динамичной жизнью, предлагает зрителям все новые постановки, часто гастролирует.

Значительна ваша роль в деле сохранения грузино-российских культурных связей. По вашей инициативе регулярно проводятся интересные встречи, международные фестивали, конференции. Все это находит отражение на страницах журнала «Русский клуб».

Надеюсь, что вы и впредь энергично будете служить делу нашей многонациональной культуры.

Искренне желаю вам дальнейших успехов, крепкого здоровья и счастья.

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ

академик, президент Российской академии художеств

Уважаемый Николай Николаевич!

Примите самые теплые сердечные поздравления с вашим юбилеем!

Большую часть своей жизни вы посвятили служению миру, любви, красоте – всем самым светлым идеалам, которые несут в себе литература, музыка, театральное искусство, культура в целом.

Многие годы положены вами на возведение уникального моста между русской и грузинской культурой. Тбилисский государственный русский драматический театр, который вы возглавляете уже почти 40 лет и «Русский клуб» стали тем уникальным пространством, признанным и в Грузии, и в России, где встречаются лучшие традиции, наследие и современная культура.

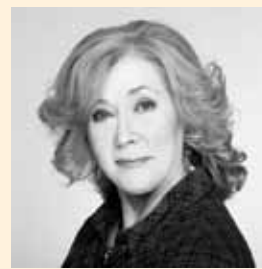
От всей души желаем вам доброго здоровья, творческих успехов, благополучия и еще многих долгих лет счастливой и плодотворной жизни.

ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ

Народный артист СССР

Дорогий Коля!!!
Спасибо за все!
С юбилеем!!!
Новых удач!

ИРИНА ШИМБАРЕВИЧ

заслуженный деятель искусств РФ, заместитель художественного руководителя БДТ им. Г.А. Товстоногова, Санкт-Петербург

Дорогой Коля!

С юбилеем, цифра которого не имеет к вам никакого отношения!!!

Есть такая профессия – Николай Свентицкий! Это значит – выдающийся профессионал! Это значит – преданный друг! Это значит – настоящий человек!

Ваш талант, созидательная энергия, заразительность, классные идеи поражают и восхищают! Без вас нет театрального Тбилиси! Без вас невозможно представить русско-грузинские театральные отношения! Вы соединяете театры, города, страны!.. Вы объединяете людей искусства! Вы щедро делитесь ренессансным умением радоваться жизни, таланту, человеческому общению!..

Я благодарна вам за все! Особенно за то, что именно Тбилиси благодаря вам первым отметил 300-летие Санкт-Петербурга, дни рождения дорогого Георгия Александровича Товстоногова, а прошлой осенью грандиозно – 100-летие Мастера! Товстоногов называл себя «Лидером художественного заговора»! Вы тоже – лидер художественного заговора!

Я счастлива, что судьба подарила мне много лет назад встречу с вами, Коля!

Будьте здоровы и благополучны!

Новых гениальных идей и блистательного их воплощения!

До новых счастливых встреч в Грузии и России!

Да сбудутся все ваши мечты, дорогой Коля!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА

Дорогой Николай Николаевич!

Вы слишком молоды и энергичны для солидного юбилея, который мы рассматриваем как хороший повод сказать вам слова уважения и восхищения.

Почти четыре десятилетия вы работаете в Тбилисском государственном русском драматическом театре имени А.С. Грибоедова и три из них – в должности директора. Велика ваша заслуга в сохранении русского театра в Грузии, в стремлении восстановить творческие связи грузинского и русского народов, России и Грузии. Вы – строитель и создатель по складу характера и своим устремлениям. Проведенный в 2015 году во время празднования 170-летия со дня основания Тбилисского русского драматического театра им. А.С.Грибоедова Конгресс русских театров зарубежья, на который съехались руководители театров из 26-ти стран мира, лучшее тому подтверждение. Вы не только успешный директор театра, который был признан одним из лучших русских театров за рубежом, вы настоящий подвижник и неутомимый пропагандист русского слова, русской культуры. Впечатляет даже простой перечень осуществленных вами начинаний и проектов: вы – основатель и директор Центра российской культуры в Грузии (1992-2003). С 2003 года по настоящее время – основатель и президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Руководитель издания ежемесячного общественно-художественного журнала «Русский клуб». Член президиума Международного Совета российских соотечественников (МСРС). Один из учредителей Международной Федерации русскоязычных писателей (МФРП) в Грузии. С 2007 года по настоящее время – руководитель, организатор и координатор ежегодного Международного русско-грузинского поэтического фестиваля.

За годы своей деятельности вы организовали и реализовали более 150 культурных проектов, целью которых было углубление и улучшение отношений между Россией и Грузией, сближение народов двух стран, укрепление позиций русской культуры и русского языка в Грузии, созда-

ние позитивного образа России.

Сегодня, в день юбилея, мы желаем вам здоровья и сил, чтобы осуществить ваши самые грандиозные замыслы, призванные объединить народы, подарить им радость общения друг с другом, веру в добро, мир, творчество.

ТЕАТР «МАСТЕРСКАЯ П.Н. ФОМЕНКО»

Дорогой Николай Николаевич!

От всей души поздравляем вас с юбилеем! Мы высоко ценим ваш вклад в развитие и продвижение традиций русского репертуарного театра в Грузии, благодаря которому две такие богатые и непохожие друг на друга культуры, как грузинская и русская, становятся еще ближе. С помощью театра, литературы, поэзии, живописи, музыки мы вместе налаживаем диалог между нашими двумя великими странами.

Дай вам Бог сил, здоровья и удачи в поддержании и развитии искусства, которое, мы верим, может спасти мир!

РОБЕРТ СТУРА

*Народный артист СССР,
художественный руководитель
Государственного академического
театра имени Ш. Руставели*

В детстве моя бабушка, жена известного революционера, часто повторяла мне: «Знай, человек рождается с тем, чтобы хоть чуточку изменить мир, сделать его лучше». Так вот, я хочу поздравить дорогого Николая Николаевича с днем рождения! Вот человек, который родился менять эту не очень приятную жизнь в лучшую сторону, это у него в крови, в генах, и, что самое прекрасное, это у него получается! Будьте счастливы, и долгие вам лета! მრავალწლოვანი!

ТЕМУР ЧХЕИДЗЕ

*народный артист Грузинской ССР,
народный артист РФ, Лауреат Ленинской премии*

Без ложной патетики можно смело утверждать, что Николай Свентицкий обладает фантастической энергией и огромной верой в дело, которому служит. А он действительно верит и может горы перевернуть! По жизни Николаю Николаевичу давались невероятные вещи, и каким образом у него это получалось, не знаю. Для него не существует невозможного, трудно достижимого. Он всегда добивается своей цели! Со своим театром Николай Свентицкий объездил половину земного шара, как Америго Веспуччи или Фернан Магеллан. Нельзя не уважать Свентицкого за его замечательные качества, не завидовать ему белой завистью. Это дар свыше, и его надо беречь! В то же время беречь его невозможно – нужно отдавать этот дар окружающим, тратить. Что Свентицкий и делает с присущей ему щедростью. И в этом его колоссальный плюс.

Мне очень нравится журнал «Русский клуб», созданный Н. Свентицким. Он всегда был и остается интересным. Bravo команде, которая делает его таким содержательным, познавательным, ярким!

Хочу пожелать Николаю Николаевичу здоровья и хорошей физической формы!

НАНИ БРЕГВАДЗЕ*Народная артистка СССР*

Дорогой Николай, мой любимый Коля, от всего сердца поздравляю с круглой датой и желаю здоровья, счастья и больших успехов в твоей неутомимой деятельности, в неисчерпаемой любви к искусству, театру, людям. На радость нам, продолжай долго жить интересной, полной, красочной, сложной, но прекрасной жизнью истинно творческого человека!

ЭКА МАМАЛАДЗЕ*Певица*

Колечка родной!

Поздравляю с юбилейной датой и от чистого сердца желаю всего наилучшего в твоей красивой, яркой, заполненной жизни!

Никогда не уставай раздавать тепло и любовь вокруг себя.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО
(г. Минск, Республика Беларусь)**

Уважаемый Николай Николаевич!

Примите искренние поздравления в честь вашего 60-летнего юбилея!

От лица всех джигитов и калбатон Горьковского театра мы поздравляем вас с юбилеем и желаем вам верных друзей, которые не подведут в беде! Любви, что вечно свежа и молода! Чтобы ваши желания всегда совпадали с вашими возможно-

стями! Чтобы всегда в жизни было все хорошо и оставалась надежда на лучшее! Горного здоровья вам и долголетия! Ведь подобно вину с возрастом Человек становится только лучше!

Пусть ваша жизнь будет безоблачной, как небо над пустыней Сахара! Полной, как кувшин щедрого грузина! Долгой, как самый длинный мексиканский сериал! И пусть ваши глаза светятся счастьем, как светится небо во время северного сияния!

Подобно лозе, которая дает жизнь виноградной грозди, а та, в свою очередь, наполняет бурдюк вином, вы, дорогой, Николай Николаевич, питаете ваш театр!

Продолжайте дарить людям вдохновение и радость! Не прекращайте творить добро и приумножайте его количество в мире!

Э.И. Герасимович,*директор театра***С.М. Ковальчик,***художественный руководитель театра и коллектив театра***СТАНИСЛАВ МОИСЕЕВ**
*народный артист Украины,
художественный руководитель
Национального академического
драматического театра им. Ивана
Франко*

Дорогой Николай!

Трудно желать что-либо человеку, столь щедро одаренному и успевшему сделать так немало в профессиональной жизни и в личностном общении, но... человек так устроен, что достигнутого может показаться недостаточным, а стремление к совершенству быть сильнее здравого рассудка. Если так случится, прошу, не останавливайся, не смотри назад и иди вперед! Будь здоров и многая лета!

АЛЕКСАНДР КОПАЙГОРА
*Заслуженный работник культуры
Украины, директор Одесского академического русского драматического театра*

Дорогой Николай Николаевич!

Жизнь прожить – не поле перейти! Мы с тобой по этому полю идем более 40 лет.

Страна разрушилась, мы стали независимые. Несмотря на самостоятельность стран, наша многолетняя дружба не дала ни одной трещинки. Она, как многолетнее вино, становится вкуснее и выдержаннее.

Мы с тобой в этой жизни попали в нужное место для осуществления своих мечтаний. Каждый из нас в разных странах занимается своим любимым делом. Русский театр во всем мире любят. Великие авторы ставятся даже на полюсах. А у нас и подавно.

Желаю тебе, чтобы твое поле не знало края. Своим присутствием на земле радуй всех долго!

ЛЮДМИЛА ДУХОВНАЯ*Народная артистка Азербайджана*

Поздравляю своего дорогого, верного и любимого друга Николая Николаевича с юбилейной датой! Он – всегда юн, но мудр, всегда молод, но зрел! Он настоящий профессионал и руководитель с большой буквы! Я желаю ему творческой неиссякаемости, здоровья, успехов, сил, вдохновения, терпения и любви! Чтобы за его спиной всегда были крылья, которые помогали бы ему лететь по жизни счастливым и молодым душой! Больших радостей

ему в его новом году, насыщенном творческими успехами, гениальными идеями и общением с интересными людьми! Пусть театр под его руководством с каждым днем все больше расцветает и дарит миру Радость, Свет, Счастье и Веру!

Я благодарна ему за внимание и теплое отношение ко мне, и за то, что подарил мне столько радости и счастливых моментов в моей жизни!

Горжусь нашей многолетней дружбой и желаю новых творческих удач и побед!

Навсегда с уважением и любовью.

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ

заслуженный артист РСФСР, народный артист Российской Федерации

Николай – удивительный человек. Я знаю его сорок лет, и он постоянно поражает меня неумной энергией и любовью к своему делу. Это не такие уж часто встречающиеся качества – даже по отдельности. А сразу два – это счастье. И Николай, мне кажется, счастливый человек. Этого счастья я и хочу ему пожелать на протяжении всей его последующей жизни.

РЯШЕНЦЕВЫ И КИМЫ

Дорогой Коля!

Поздравляем тебя с роскошным юбилеем, а себя с тем, что ты у нас есть. Извини за столь интимное обращение, но обращаться к тебе «на вы» просто не получается. Ты сделал для нас столько доброго, что мы считаем тебя одним из самых близких друзей. Мы счастливы, что наша связь с любимой нами Грузией осуществляется в последнее время именно через тебя – это надежно, исключает любые политические или иные случайности и позволяет нам думать, что мы еще долго будем видаться на территориях России или Грузии, где мы всегда радовались друг другу.

Горячо тебя обнимаем. Будь счастлив!

ЮРИЙ ШЕВЧУК

Народный артист Республики Башкортостан

Дорогой Николай, с Днем! Никогда не забуду наш первый концерт в Тбилиси в 2003 году. Ты познакомил нас с этой теплой и замечательной страной! Спасибо тебе за широкую, умную душу!

Тонем в глубинах твоего сердца, так искренне любящего культуру наших народов!

Добра и Здоровья.
Всегда до встречи!

Группа ДДТ

ЕЛЕНА ИСАЕВА

поэт, драматург

Н.Н.Свентицкому

Когда впадаю я в неволю
Работы, суеты и грусти,
То просто вспоминаю Колю
И знаю – это все отпустит,
Исчезнет, в прошлое умчится!
И может быть иначе разве?
Ведь есть же Николай Свентицкий –
Счастливый, бесконечный праздник!

ЕЛЕНА ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ

поэт

Н.Н. Свентицкому

Два века русского театра
в Тбилиси,
Два века драмы от Грибоедова,
Что нас не убьет
– непременно возвысит.
И прав лишь тот,
кто этому следовал.

Ведь с тем, что меряется веками
Совсем не каждый
сумеет слиться,
Есть на театре должность такая,
Она называется
– Николай Свентицкий.

Все амплуа опрокинув разом,
Не говоря уж о разном, прочем,
Не уместается даже в приказы,
Подписанные собственным,
извините, росчерком!

Одним этим именем и фамилией
Можно заполнить любую анкету,
Где в каждой графе
– Свентицкий или
Театр, гастролы, фестивали,
поэты.

Когда на фейсбуке, метеоритно,
Мелькнет улыбка
Николай Николаича,
Полмира лайкнет эту палитру,
Желая мгновенно, всего,
что желается!

АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

*художественный руководитель
Тбилисского государственного
академического русского драма-
тического театра им. А.С. Грибо-
едова, лауреат Государственной
премии Грузии, лауреат премии
им. К. Марджанишвили*

Вот уже пошел 18-й год, как я и Коля работаем вместе. Когда кто-нибудь из моих коллег хвалит своего директора и говорит, что у него самый лучший директор в городе, в стране, я отвечаю, что мне повезло гораздо больше, потому что именно у меня самый лучший директор театра на планете Земля. О нас говорят, что мы с ним – идеальный тандем директора и художественного руководителя театра, и я, без ложной скромности, соглашаюсь с этим мнением. И тут же открою секрет этого тандема: Коля – мой большой, добрый друг. Мы не просто работаем вместе 18 лет – мы дружим все эти годы. Мы не просто встречаемся каждый божий день по работе, а встречаемся, чтобы решать наши жизненные проблемы, а не только сухие, рабочие. Вот поэтому я его и знаю так хорошо. Поверьте мне, что этот человек – ходячая доброта. Человек, который, просыпаясь, бежит, спешит делать добро, помогать всем, кому может помочь. Я много раз говорил и повторю еще раз: главное призвание Коли – помогать людям и сеять добро. Согласитесь, что настоящий друг – большая редкость, и им надо дорожить. Поэтому я очень хочу, чтобы он был счастлив и в дни его юбилея прошу Господа Бога здоровья и долголетия моему доброму другу Николаю Свентицкому.

ВЕРА ТАРИВЕРДИЕВА

*Президент Благотворительного
фонда Микаэла Таривердиева*

Разрешите от всей души и от всего сердца поздравить вас с юбилеем. Вы роскошный. Ваша главная роскошь – вы Человек. В самом значительном, распрямленном смысле. Я знаю вас не один год, наверное, с первых моментов, когда я оказалась в Тбилиси и полюбила этот город, как свой родной. Хотя не я в нем родилась, а мой муж, Микаэл Таривердиев. Но мне всегда казалось, что и я там родилась. И вы были одним из тех, кто олицетворял для меня этот удивительный мир – полифонический мир Тбилиси.

У моего мужа было одно выражение. «Грузин в лучшем смысле этого слова». Вы грузин, вы тбилисец, в самом лучшем смысле этого слова. Но и не только. Вы великий русский, вы итальянец, вы, в конце концов, древний грек тоже. И тоже в самом лучшем смысле этого слова. Я вас благодарю за все, что вы делаете для культуры. Русской, грузинской, армянской. И культуры вообще. Потому что в вас нет границ.

Я вас благодарю за пронзительные моменты, которые я пережила, когда смотрела вечера, посвященные Микаэлу Таривердиеву, которые вы организовали в Тбилиском драматическом театре им. А.С. Грибоедова. Я не могла и не могу смотреть их без слез. Я вас люблю и желаю вам всего самого, самого доброго!

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА

*поэт, эссеист и фотохудожник,
член российского Союза писа-
телей, Всемирной Академии ис-
кусства и культуры Европейского
общества культуры, Международного
Пен-клуба,*

Позвольте мне из туманного осеннего Лондона переслать слова любви и счастья в адрес человека, умеющего любить и одарять окружающих счастьем! Счастьем верности в дружбе. Счастьем служения искусству. Счастьем человеческого участия.

Счастливым человек – реактор счастья, вырабатывающий свет во мгле неясностей обыденной жизни. К Николаю Свентицкому, как к небесной энергетической подстанции, можно подключать целые регионы, где порою отключается благотворная энергия бытования. Ведь жизнь награда, а не пытка – когда с небес идет подпитка! Даже в его родовой фамилии зашифровано слово «свет». До насытят небеса долголетием этого светлого и счастливого человека! А кто счастлив сам, тот и других делает счастливыми.

ГУРАНДА ГАБУНИЯ

*народная артистка Грузии, лау-
реат премий К. Марджанишвили,
М. Туманишвили, В.Анджапаридзе*

Колю я знаю очень давно. Мне кажется, что всю жизнь. Вспоминаю те прекрасные времена, когда еще был жив Отар, мы были вместе и нам было очень хорошо. Одно из самых потрясающих воспоминаний – юбилейный вечер Отара в Театраль-

ном обществе Грузии, который стал таким замечательным во многом благодаря Коле. Вспоминаю, как он поздравлял меня и Отара после премьеры спектакля «Мемуары», у меня есть фотография – он дарит мне цветы. Когда бывает тяжело на душе, я смотрю на этот снимок.

На панихиде Отара он стоял напротив меня, потом подошел, обнял, вывел из театра, посадил в машину. В последнюю минуту прощания с Отаром у могилы стояли Бидзина Иванишвили, его супруга, я и Коля. И батони Бидзина сказал: «Посмотри на нее, она умирает, ты должен что-нибудь придумать!» и Коля сразу же ответил: «Я вас понял...» Он нашел для меня пьесу и режиссера, и появился наш «Вишневый сад». Успехом этот спектакль обязан только Коле! Он сделал для меня все, я просто не знаю другого такого внимательного и теплого человека.

На моем вечере в московском Доме актера он сказал:

– Есть у Шекспира «Ромео и Джульетта», ну и что? А Отар и Гуранда прожили вместе всю жизнь счастливо и неповторимо. Они – наши Ромео и Джульетта!

Моя жизнь после Отара – это Коля. Моя любовь к нему огромна! Для меня он – родной брат. Пусть он живет очень долго – на радость и счастье всем нам!

ТЕНГИЗ (БЕБИ) ДЖАИАНИ
композитор, заслуженный артист Грузии

Очень трудно в несколько строк уместить все, что хочется сказать доброго об этом большом человеке. Это и преданный друг, и талантливый организатор, и заботливый директор, и умнейший политик – все это вместе взятое – это и есть наш Николай Николаевич – для меня просто Коля.

Во все времена – и добрые, и тяжкие – он остается человеком слова, человеком дела, человеком чести.

Друг мой, Коля! Долгие-дол-

гие годы тебе здоровья, радости, новых идей, их воплощения в жизнь и вообще – будь счастлив!

ИРМА СОХАДЗЕ
Народная артистка Грузии

Наш дорогой Николай Николаевич!

От всего сердца поздравляю с юбилеем! Желаю всего самого доброго, что только можно пожелать хорошему другу, талантливому человеку и феноменальному деятелю.

Да, вы безусловно феноменальны, поскольку ни на кого не похожи, вы все делаете как-то по-особенному, иначе, с присущим только вам рвением, преданностью, порывом...

Вы и Грузию любите искренне и по-настоящему и, дай Бог, каждому грузину сделать столько добрых и нужных для Грузии дел, сколько делаете вы.

Долгих лет вам жизни!

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
поэт, лауреат Государственной премии Грузии

В жизни крайне редко встретишь такого чуткого, многогранно одаренного человека, как Николай Свентицкий. Это и есть тот счастливый случай, когда в одном лице соединяются яркий талант и безграничная доброта, щедрость души. В нем воплощены самые сокровенные черты русского характера, при этом он – истинный, коренной тби-

лисец. Очень немногие сделали для грузинской культуры столько блага, сколько сумел сделать Николай Николаевич. Неслучайно таких выдающихся успехов под его руководством добился Тбилисский русский драматический театр им. А.С. Грибоедова, где вдохновенно и плодотворно творит один из самых лучших наших режиссеров Автандил Варсимашвили. И личности, и пламенной неутомимой деятельности Николая Свентицкого очень созвучны бессмертные слова Акакия Церетели: «Что не горит, то и не светит».

Дорогой Николай Николаевич! Вам, человеку таких благородных устремлений, я от всего сердца желаю долгих лет, которые вы, конечно, опять без оглядки отдадите бескомпромиссному служению добру и христианской любви, которых так недостает в этом «прекрасном и яростном мире».

ВЯЧЕСЛАВ ШМЫРОВ
продюсер

Дорогой Николай! Ты не только Человек, ты – Форпост, делающий соседство России и Грузии еще теснее, еще ближе. Еще необходимее. Твоя идея – не Тактика, а Стратегия. Которой ты служишь талантливо и самозабвенно. Как и положено человеку, осознавшему свою миссию в этом мире! Пусть у тебя все получится, а мы никогда не обойдем стороной твой дом, которым стал прекрасный грибоедовский театр. Лишь бы хватило сил!

Коллективы театра имени А.С. Грибоедова и МКПС «Русский клуб» сердечно поздравляют Николая Николаевича Свентицкого с замечательным юбилеем, желают крепкого здоровья, творческого долголетия и никогда не останавливаться на достигнутом!

В ТБИЛИСИ ЗАЖГЛАСЬ НОВАЯ ЗВЕЗДА

В Концертном зале столичной филармонии чествовали Народного артиста Грузии Гио Чиракадзе. Концерт и открытие именной звезды состоялись в день рождения артиста. «Некруглый юбилей», – пошутил маэстро и с гордостью объявил, что ему исполнилось 79.

Гия Чиракадзе – это улыбка. Добрая, теплая и обаятельная. И искрометное чувство юмора.

Поздравить друга и соратника по сцене пришли звезды грузинской эстрады первой величины – Нани Брегвадзе, Ирма Сохадзе, Нанули Абесадзе, Тамрико Чохонелидзе, Майя Джабуа, Эка Мамаладзе, оба поколения «Картули хмеби», а также мо-

лодые Ачико Нижарадзе, Натия Перанидзе, Марико Эбралидзе, Мака Замбахидзе, секстет Тбилисской государственной консерватории. На концерте прозвучали всеми любимые песни и были показаны уникальные архивные материалы, отражающие увлекательный и богатейший творческий путь Гии Чиракадзе.

За плечами батони Гии заслуг немало. С него и его коллег, по сути, начиналась современная грузинская эстрада. Он сам – выдающийся конференсье, телеведущий, певец, один из основателей легендарного ансамбля «Картули хмеби», а позже – ансамбля «Диэло».

Юбиляр горячо поблагодарил всех, кто пришел в Тбилисскую филармонию поздравить его и насладиться удивительным тбилисским вечером, и добавил, что любовь зрителей для него – самая большая награда. А наград и званий у батони Гии предостаточно. Он – почетный тбилисец, лауреат Государственной премии Грузии и кавалер ордена Чести.

Проект осуществлен Палатой культуры Грузии при поддержке Министерства культуры и охраны памятников Грузии, а также Центра культурных мероприятий мэрии города Тбилиси.

Соб.инф

Сколько признаний в любви, слов восхищения и благодарности слышал на своем веку этот город... Время меняло его облик, века наслаивали свои пласты один на другой, но корень слова, когда-то очень давно определивший его название, оставался неизменным. И в этом слове – сама суть его существования и жизни в веках. Теплый. «Тбили» по-грузински – теплый...

ТБИЛИССКАЯ ПРОПИСКА

«СЕБЕ В УДЕЛ ИЗБРАЛ ТБИЛИСИ Я...»
Галактион Табидзе

■ Марина МАМАЦАШВИЛИ

В любви признаются по-разному. Мое признание – с оттенком грусти. Когда праздник шумит за окном, негоже говорить о печали, но у любви в разное время своя мелодия.

Нынешние именины – 37-е. В далеком 1979 году древний город впервые пышно и торжественно отметил свои именины. Надо сказать, что праздник всегда к лицу этому удивительно молодому городу, у которого давно седые виски. Пение, танцы и застолье – скажите, кто будет протестовать против этих трех определяющих качеств любого города в Грузии, а уж столица, несомненно, в этом имеет первенство: масштаб

обязывает.

Во-первых, в эти два дня город по-особому оживает: улицы переполняются тбилисцами и гостями города. Во-вторых, пешеходы приобретают особые привилегии и приоритет над автомобилями. Самодовольные джипы не громоздятся на тротуарах. Автомобили гудящим и непрерывным потоком съехали на набережную, а Город, его центр безраздельно принадлежал гуляющему люду – неспешному, улыбающемуся, на время отринувшему свои думы о завтрашнем дне. Особенность этого праздника для многих – в визуальном присутствии прошлого, звучании тиф-

лиссских ноток в реальном сегодня. И даже когда девять из десяти юных (и даже не очень юных!) тбилисцев шагают по городу, уткнувшись в мобильники, витающей в воздухе душе Старого города это не мешает. Потому что душа праздника – пространство исторической памяти. Часть этого пространства «Новый Тифлис» – так назвали реконструированный столичной мэрией отрезок проспекта Агмашенебели. 47 восстановленных зданий, которым, как говорят архитекторы, вернули первозданный вид. Это фасады с орнаментами, витражи, двери домов, ворота. И, конечно же, балконы.

Многобалконный Тифлис, по поэтическому определению Я.Полонского, восхищал путешественников, поэтов, писателей и композиторов. Когда годы назад шла реконструкция исторического центра Тбилиси, сколько было дискуссий и споров по поводу балконов. Было и такое мнение: их слишком много. Как будто избыток черты характера города может быть объектом критики. Кому придет в голову говорить о количестве небоскребов Нью-Йорка, мостов Гамбурга, каналов Венеции...

Тбилисские балконы рожают ощущение театра. Огромного театра, где улицы – это сцена, а балконы – ложи, которые переговариваются друг с другом и в то же время общаются с улицей. А улицы, чаще всего нарушая пропорции, – одна выше, другая – ниже – создают гармонию ансамбля, оркестра. И все это естественно подчер-

кивает характер обитателей города. Старый город шумел, говорил на разных языках, пел и танцевал, смеялся и негодовал. Мастерил и торговал. Предлагал свой товар владельцам балконов. И продавал, продавал. Со вкусом и от души.

А в нынешнем Тбилиси так же, как когда-то летел над площадями шашлычный дым. В этом городе всегда любили вкусную еду. А поэтическое зрение сквозь годы точно донесло до нас облик городских праздников и его ароматы.

В одном тбилисском доме накануне Тбилисоба мы перебирали старинные фотографии.

спокойно глядят на нас сквозь сотню лет. И, конечно, нам решать, в чью пользу это сравнение... В некоторых старых тбилисских домах есть масса сокровищ. Если вытянуть нижние ящики скрипучих комодов, откроется мир старого города. В пожелтевших папках ветхие газетные вырезки, листки календарей, программки концертов, спектаклей, афиши и чудом сохранившиеся открытки, фотографии и рисунки.

...Майдан. Когда-то его называли Военной площадью, а то и Шайтан-базаром. Это было особое пространство – многолюдное, пестрое, многоликое

Совершенно особое ощущение возникает, когда держишь в руке ощутимо плотную, твердую фотографию, цвета сепии, с красивой вязью фамилии мастера. Причудливая прическа дамы, внимательный взгляд солидного господина рядом. Их имен уже никто не помнит. Но мы всматриваемся в их лица и длится во времени этот остановленный миг чьей-то незнакомой судьбы. Так безмятежны эти лица, улыбки глаза. И возникает невольное желание сравнить нас, сегодняшних, с теми, прежними, которые так

и многоязычное. Сюда стекались, сходились улицы, улочки и переулки – от Авлабара, Банных ворот, Навтлуги, Гаретубани. Сюда спускались торговые ряды, названия которых раз услышав невозможно забыть – Винный, Шапочный, Обжорный, Ватный ряды. И тем, кто входил в эту «реку», конечно, было даровано пиршество впечатлений. Самых разных – от восторженных до самых негативных: в дождь можно было застрять в грязи, пока добрая душа едва ли не за ворот вытаскивала из жижи... Здесь были свои непи-

современное нам время, но и задолго до нас. Скажем о том, что же для нас в этом городе особенное, свое.

На Авлабаре, за большим домом у метро, вьется вверх небольшая улочка. Три тбилисских старожила отвечают на мой вопрос, что вмещает в себя понятие «тбилиселоба». Один смеется, показывает

порядочного человека в любое время, в любом месте планеты.

А я к этому разговору вспомнила своего соседа из старого сололакского двора.

– Что ты меня допрашиваешь? – приговаривал дядя Вано, кряхтя и устраиваясь поудобнее в своем кресле с обветшавшей бахромой и скошенными ножками. – Я тебе на

саные законы. Свой разговорный жанр, манера поведения. Свои события и происшествия. Все это исчезло, пропало. Вся эта многогранная, разноцветная мозаика рассыпалась, распалась. Наверно, как во многих древних городах мира. Сколько лет пролетело над этими площадями и улицами. Сколько тысяч тонн земли перекопано. Сколько лиц промелькнуло, сколько событий... Исчезли старые порядки, законы, обычаи, свойственные именно этому неповторимому городу.

Город всегда вбирал новое, но делал это не спеша, со вкусом, медленно привыкая к новшествам. Это был город, который удивительным образом умел соединять несовместимое. Не сталкивал лбами восток и запад. Объединял их, причудливым образом смешивая черты, качества, достоинства и недостатки – поди, разбери, где чье? Так было. Но будем справедливы. На длинной и долгой дороге жизни людей в этом городе многое из этого умения соединять терялось. И тогда перевешивала нетерпимость. Но в праздник не будем вспоминать о тяжелых эмоциях, сотрясавших город не только в

на свою большую шапку и говорит: «Аэродром». Другой подхватывает его тон: «Ва-а-а, главное, чтобы ноготь на мизинце был должной длины, а шнурок на носке висел, как антенна». А третий делает протестующий жест рукой: «Э-э, не слушай их, дочка, шутки говорят. Я тебе точно скажу. Настоящий тбилисец тот, кто никогда не отдаст голову животу, тело – шмоткам, а душу – черту». Первый иронично комментирует: «Оптимист»!

Мой коллега, журналист, прибывший из другой страны для того, чтобы описать, что же в этом городе так многих привлекает, разводит руками и говорит, что это местный колорит. Колорит, безусловно. Колорит, конечно, в юморе. Потому что все серьезно названные качества характеризуют просто

все вопросы отвечу, что лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей.

И все же он ответил, немного подумав. – Знаешь, тбилисская прописка – в душе и сердце, а не в паспорте. На бумажке что хочешь можно написать, а здесь, – и тут он важно приложил свою натруженную руку к сердцу, – только здесь правда. Настоящий тбилисец свой город никогда не покидает. Даже если уезжает.

Он знал, что говорил. 87-летний старик, у которого умерла жена, дети разъехались по разным городам и странам и все звали к себе, обещая комфорт, сытую жизнь и хороший уход, а он на все призывы твердо отвечал «нет». – За мной есть кому посмотреть, – громко говорил он, держа телефонную трубку немного на отлете. И соседки, слушавшие его переговоры с детьми, кивали головами: – Да, да, скажи, пусть не волнуются, мы посмотрим.

И в очень тяжелые времена, когда Сололаки был отрезан гражданской войной от всего города, соседи приделали к его знаменитому креслу колесики и возили его из одной квартиры в другую – накормить, напоить, привести в порядок.

Хорошее, близкое соседство – особый институт в Тбилиси. Мне могут возразить и сказать, что добрые соседи не только в Тбилиси живут, не только в Грузии. Да, согласна. Возможно, и у нас многое изменилось, время стало спрессованней, не то что у соседей, порой у близких нет сил и возможностей смотреть за своими стариками. И все же сколько

вокруг меня примеров самоотверженной отдачи любви, внимания, долга, человечности тем, кому это так необходимо...

А в Старом городе, в Левтахеви, продолжали свое шествие именины Тбилиси. Среди гостеприимных хозяев праздника – карачохели. Городские ремесленники, они, как правило, были членами какого-нибудь цеха. Они носили черную

чоуху и заостренные сверху папахи такого же цвета. Во время пиров они держали в руках горящие чаши. Мужественные и смелые, они отличались красноречием и талантом импровизационной поэзии. А вот рядом с ними – тулухчи, водовозы. Еще одни представители забытой, изгнанной цивилизацией профессии. Воду из Куры для бытовых нужд набирали в кожаные меха – тулухи и разносили или развозили по домам. Возили ее еще и в бочках. Согласно историческим данным, в конце XIX века в Тифлисе появился водопровод, инициатором создания которого называют, по некоторым версиям, фармацевта Ф.Оттена. Но даже после того, как в домах тифлисцев потекла вода из кранов, многие продолжали пользоваться услугами тулухчи. Сегодня даже представить сложно, что вода в Куре была такой чистой, что ею пользовались наши прабабушки для всякого рода хозяйственных целей.

В Абанотубани, у Метехского моста, в парке Рике проходили концерты, выставки, дегустация грузинских вин и национальных блюд. Дегустация в праздничном грузинском варианте означает застолье. За накрытым столом поют. Поют

циях, о том, что ушло безвозвратно, а что осталось, то оказались живучими лишь те традиции, которые подобны не якорю, останавливающему движение, а парусу, направляемому ветром.

Тбилисцы, как и их предки, несмотря ни на что, умудряются сохранять доброту и благожелательность, простодушие и открытость, веселый нрав и щедрость. Тбилисцы умеют возвращаться в Старый город. Они знают дорогу. К дому – порой забытому, покинутому, состарившемуся, но до боли родному и любимому отчужденному дому.

стоя, поднимая тост за город, лучше которого нет на свете. Певцам лет по 20-25. Их пение наводит на мысль, что источники, родники никогда не пропадают. Возможно, исчезают на время, теряясь, прячась в гуще леса, в горах, на дорогах, среди валунов, но вдруг неожиданно выбиваются из-под земли, сверкая и переливаясь на солнце. Молодые поют так же, как пели их прадеды. Поют отцы. И будут петь внуки...

И если говорить о тради-

Дворец князей Багратиони-Мухранских на Головинском проспекте в Тифлисе

Герб рода Багратиони-Мухранских

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

«От большинства людей остается только тире между двумя датами». Эти слова, впервые прозвучавшие в культовом фильме «Доживем до понедельника», уже почти полвека мы повторяем с горечью: это маленькое тире вмещает в себя так много! Рождение и уход человека, его любовь и талант, дела и надежды, трагедии и радости, удачи и неудачи... Да, каждая жизнь неповторима, за каждым именем столько сокрыто! Но почему одни имена застревают в памяти, как мушки в янтаре, а другие стираются временем? Наверное, надо стараться не забывать о тех, кто жил в минувших временах, почаще вглядываться в прошлое, чтобы получше рассмотреть день сегодняшней. Мы попытаемся сделать это – увидеть ту или иную жизнь, еще раз

повторить стирающиеся имена. И многие из них, некогда звучавшие на весь мир, будут связаны с Грузией.

Дорога в прошлое короче, когда берет она исток в тех именах, что ты сберег, боясь хоть чем-то опорочить...

Первое из имен, которые мы начинаем вспоминать, громко звучало «на орбитах» и грузинских, и русских царей. В Грузии князь Константин Багратиони-Мухранский был, в первую очередь, представителем старшей ветви царского дома. В России же его знали как камер-пажа Высочайшего Двора (личного пажа Николая II), затем – флигель-адъютанта императорской свиты, офицера привилегированного Кавалергардского Ее

Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. А для родителей – князя Александра Михайловича и Нины Иосифовны, урожденной княжны Тархан-Моурави – он был просто Котэ, младший сын среди еще четырех детей. С детства мечтающий о военной карьере, он уже в двадцать лет надевает офицерский мундир. А придворная служба сводит молодого человека с единственной любовью всей его недолгой жизни.

Девятнадцатилетняя великая княжна Татьяна Романова знакомится с Константином в 1910 году, в подмосковном имении своей семьи Осташево, где часто бывали люди из царского окружения. В ее родословной – одни из самых высоких титулов Европы. Она – дочь внука Нико-

Константин Багратиони-Мухранский

лая I великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, урожденной Елизаветы Августы Марии Агнессы, принцессы Саксен-Альтенбургской, герцогини Саксонской. А еще отец Татьяны – генерал-адъютант, генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. И вошел в историю культуры как поэт, переводчик и драматург – под хорошо известным всей читающей России псевдонимом «К.Р.».

Естественно, такой человек хотел видеть в мужьях своей дочери представителя правящей могущественной династии. Но сердцу, как известно, не прикажешь. Тем более чужому. Таня и Костя, как называли их в ближайшем окружении, встречаются все чаще. Совместные чаепития, прогулки, катания на лодке и беседы, беседы, беседы. Константин – отличный рассказчик, Татьяна – благодарная слушательница. Они вдруг понимают: их объединяет очень многое. А тут и до большого чувства рукой подать. Но разве корнет – достойная пара для дочери генерала императорских

кровей? Налицо и возможность мезальянса, то есть брака между людьми, сильно отличающимися по социальному положению. Ведь, входя в состав русского дворянства, все ветви рода Багратиони юридически являлись княжескими родами Российской Империи, но не владетельными династиями. А для представителей императорской семьи кошмаром была такая разновидность мезальянса, как морганатический брак, иначе говоря, свадьба с человеком неравного положения, с собственным подданным. Запрет на эти браки был введен еще «Законом о престолонаследии» Павла I. Дети, появившиеся на свет в результате такого бракосочетания любого члена императорского рода, теряли право на престол, ношение царской фамилии и титул «Высочество».

Но если старшее поколение Романовых волнует именно это, то друзья-ровесники и даже брат Тани, пренебрегая традициями и условностями, поддерживают, покрывают влюбленных. И все же наступает день, когда в дневнике великого князя Константиновича появляется такая запись: «По возвращении из поездки меня ожидало горе. (Ах, Ваше высочество, большего бы горя у Вас не было! – В.Г.) Жена, очень взволнованная, передала мне свой длинный разговор с Татианой, которая призналась в своей любви к Багратиону. Им усиленно помогал Олег, передав ему о ее чувствах, и взявшись доставлять письма. Дошло даже до поцелуев. После ужина, в присутствии жены, у меня был разговор с Олегом. Я выражал ему глубокое возмущение принятой им на себя ролью. По-видимому, он нимало не сознает, как она неприглядна. Когда они ушли, ко мне явилась Татяна. Мы больше молчали. Она знала, что мне все известно. Кажется, она не подумала о том, что, если выйдет за Багратиона, и будет носить его имя, то им не на что будет жить. Позвал жену и при ней сказал Татяне, что раньше года никакого решения не приму. Если же ей идти на такие жертвы, то, по крайней мере, нам надо быть уверенными, что чувство глубоко». Да, отец разгневан, огорчен, но

вы обратили внимание на фразу: «Раньше года никакого решения не приму» и на слова о необходимости быть уверенными в глубине чувства? Значит, не такой уж ретроград этот великий князь, значит, по-настоящему любит дочь. И не будем забывать, что именно на его стихи создавали романсы Петр Чайковский, Сергей Рахманинов, Александр Глазунов, Рейнгольд Глиэр... И что именно он написал:

Любовью ль сердце разгорится,
О, не гаси ее огня!
Не им ли жизнь твоя живится,
Как светом солнца яркость дня?

Ну, а на год, отведенный для проверки чувств влюбленных, Котэ отправляют в... родной Тифлис. И слава Богу – рассерженный царский родственник мог добиться отправки сразу в какую-нибудь глухомань. Да еще и небезопасную для жизни. Впрочем, пребывание в Тифлисе особо радостным не было: надлежало готовиться к отъезду в Тегеран – чтобы быть прикомандированным к казачьей сотне, входящей в охрану персидского шаха.

Уезжая он оставляет любимой письмо, и оно оказывается единственным на довольно долгое время – послания опального претендента на руку великой княжны вряд ли доставлялись бы к адресату. А очаровательный адресат страдает от тоски. Мать старается развлечь Татьяну, возит ее на концерты и благодетельные балы, в театр и

Великий князь Константин Романов («К.Р.»)

Татьяна Романова с братьями

на великосветские приемы. Один из визитов – к вдовствующей императрице Марии Федоровне, матери Николая II. И там, за чаем, девушка узнает, что царица-мать считает павловский закон о «неравнородных» для Романовых браках «немного устаревшим и не прочь бы его изменить». Причем не только считает, но и начала подталкивать к этой мысли своего венценосного сына. Поделившись этим, императрица заговорщицки улыбается Татьяне...

«В это время у нас дома часто говорили о корнете Кавалергардского полка, князе Багратион-Мухранском. Он приезжал к нам в Павловск и катался на лодке с сестрой Татианой. Все были от него в восторге. Татиана и Багратион влюбились друг в друга и решили жениться. Но отец и матушка были категорически против этой свадьбы... – вспоминал Гавриил, брат Татьяны. – Татианино горе совпало с ее болезнью. Она долго лежала и не могла ходить. Зимой ее выносили на балкон, греться на солнышке... Она молилась, чтобы Багратион вернулся, и они поженились. Отец сказал Татиане, что она должна знать, что по закону этот брак недопустим. В семействе стали подниматься голоса о желательности изменения этого закона». Голоса эти настолько громкие, что Николай II делится с матерью Татьяны: «Я три месяца мучился и не мог решиться спросить мамА, а без ее санкции я не хотел предпринимать что-либо. Наконец, я ей сказал про Татиану и Багратиона, о предполагаемых семейных советах для решения этого вопроса и о возможном изменении закона. Я боялся, что она скажет, а она ответила (при этом Государь изображал, как Мария Федоровна говорит своим низким голосом): «Давно пора переменить». Напрасно я три месяца мучился».

«Матушка очень грустила о Татиане и не знала, что придумать, чтобы ей доставить удовольствие, – свидетельствует брат княжны Гавриил. – Она послала свою камерфрау Шадевиц купить для Татианы книжку о Грузии». Ей дали единственное, что было: маленькую беленькую брошюру грузинолога проф. Марра: «Царица Тамара или время расцвета Грузии. XII век... Прочитав эту брошюру, Татиана полюбила святую и блаженную царицу Тамару,

помолилась ей, любившей и защищавшей Грузию, за ее прямого потомка – князя Константина Багратиона». Так книга о грузинской царице стала настольной у российской великой княжны. Ее Татьяна увозит с собой в Крым, в семейное имение Ореанда. Именно там и находит свою любимую Котэ, наконец вернувшийся из Тифлиса. Разрешение на это дает лично царь, да и родители девушки убеждаются: «чувство глубоко». Так что обручению ничего не мешает, и оно проходит там же, в Ореанде, в церкви Покрова Богородицы, 1 мая 1911 года. Для невесты дата вдвойне знаменательная – это еще и День Святой царицы Тамар. И ее совсем не заботит, что перед тем, как отправиться в церковь,

Татьяна во время знакомства с Константином

Венчание Татьяны и Константина

она письменно отказалась от прав на российский престол – и за себя, и за своих потомков.

После такого шага Романовы уже просто не могут не собраться на августейший семейный совет. В нем участвуют Николай II, его мать, дядя – великий князь Владимир Александрович и, конечно, родители Татьяны. После обсуждения перспектив для обручившихся нарушителей царской традиции принимается решение: «Дозволить протоколом Двора полувысочайшую свадьбу княжны императорской крови Татианы Константиновны Романовой с представителем древнейшего рода Светлейших князей грузинских, Багратионов, что происхождением своим могли быть вполне подобны угасшей французской династии Орлеанов, некогда королей французских». Вот такая интересная аналогия рода Багратиони с родом Орлеанским...

«Полувысочайшую свадьбу» играют в Павловске в загородном дворце отца Татьяны, в узком семейном кругу. А круг этот... Вновь слово – Гавриилу Романову, которого уже можно назвать летописцем любовной истории его сестры: «24 августа все Семейство, во главе с их величествами и царскими дочерьми приехало на свадьбу Татианы и Багратиона. Кроме Семейства, на свадьбе было много приглашенных. Семейство собиралось в кабинете Императора Павла. Татиана была в красивом белом платье с серебром и шлейфом, в Екатерининской ленте и с бриллиантовой звездой. На голове у нее, вместе с fleurs dorange, была надетая бриллиантовая диадема. Татиана прекрасно выглядела. Когда ее благословили... все Семейство, во главе с их величествами, пошло по залам в церковь. Это было вроде выхода. Так как свадьба была полувысочайшая, великие княгини и

дамы были не в русских платьях, а в городских. Но мужчины были в парадной форме... Мои братья и я были шаферами Татианы, а шаферами Багратиона были кавалергарды... Поздравление происходило в Большом зале».

Приостановим рассказ на этом месте, чтобы обратить внимание на появление в императорской компании тифлисской дамы: «Государь разговаривал с приглашенными. Он подошел к старой княгине Багратион-Мухранской, тетке Кости Багратиона. Она всегда жила в Тифлисе, была богата, всеми уважаема и строга: ее побаивались. Государь, разговаривая с ней, стоял, а она сидела на диване, подле окна, конечно, с разрешения Государя. Я никогда не забуду этой картины, как дама сидела, а Самодержец Всероссийский, в белом Кавалергардском мундире, стоял перед ней. Государь был с ней очень любезен и обворожителен... На обеде, кроме нашей семьи и самых близких нам людей, были семья Багратиона и его шаферы... Татиана с мужем поместились в Татианиных же девичьих комнатах, подле зала с пилястрами».

В тот же день, когда состоялась свадьба, вся страна узнает об отречении Татьяны – в газетах появляются именные высочайшие Указы за номерами 1588 и 1859. Первый из них гласит: «Ея Высочество Княгиня Татьяна Константиновна представила Нам, за собственноручным подписанием, отречение от принадлежащего Ей, как члену Императорского Дома, права на наследование Императорского Всероссийского Престола...». Во втором Указе отречшейся великой княжне на дальнейшее определяются титул «Высочество» и денежное содержание, но особо оговаривается: дети, рожденные от брака с Константином Багра-

После свадьбы

тиони-Мухранским, будут носить фамилию отца и «пользоваться принадлежащими ему сословными правами». Права титуловаться «Высочеством» они не имеют. Молодожены преспокойно относятся к этому наказанию за любовь. В отведенном им крыле Павловского дворца Романовых начинает прорасти новая ветвь рода Багратиони-Мухранских: в 1912-м рождается сын Теймураз, а через два года – дочь Наталья. Когда родители выбрали имя своему первенцу, члены царской семьи, памятуя их независимость от традиций, один за другим стали выяснять в Святейшем Синоде: а значится ли Теймураз в Святцах? Получив положительный ответ, все откровенно счастливы. И у купели младенца стоят крестные родители, выше которых в России быть не может – Государь Император и его старшая дочь, цесаревна и великая княжна Ольга Николаевна.

Глава молодой семьи продолжает кавалергардскую службу, его жена успешно совмещает заботы по дому с активнейшей благотворительной деятельностью повсюду, где бывает – в Петербурге и в Крыму, в Павловске и в Мцхете... Особые усилия вкладываются в оборудование Тифлисского военного госпиталя. А за десять дней до трехлетия обручения Татьяны и Константина их счастливая семейная жизнь заканчивается – Россия вступает в Первую мировую войну. В самом начале ее, в августе 1914-го, Котэ уходит на фронт и вскоре его отправляют в трехдневную разведку. Вот ее итог: флигель-адъютант, поручик, князь Багратиони-Мухранский награждается Георгиевским оружием «за то, что, будучи послан в тыл противника на разведку в районе Мариамполя, пробыл там с 27-го февраля по 2-е марта 1915 г. при исключительно трудной обстановке, подвергая жизнь опасности. Вернулся, добыв чрезвычайно важные сведения о противнике, которые способствовали успеху части».

Герой ненадолго приезжает домой и сообщает, что решил на время перейти из Кавалергардского конного полка в пехоту. А конкретно – в 13-й Лейб-гренадерский Эриванский Царя Михаила Феодоровича. И отнюдь не потому, что это – старейший и самый титулованный полк российской армии. Гренадеры несли огромные потери, в их батальонах оставалось по 4-5 офицеров. И к таким поредевшим пехотным частям прикомандировывали офицеров из кавалерии, где потеря были меньше. «Татиане желание мужа перейти в пехоту было не особенно по душе, но она согласилась. Костя Багратион был замечательный офицер», – вспоминал Гавриил Романов. Грузинский князь отправляется к новому месту службы, а его жена организует вечера и концерты для его прежних однополчан-кавалергардов, лечившихся в павловском лазарете. К тому же она еще и помогает своей свекрови княгине Нине оснащать новейшим хирургическим оборудованием санитарный поезд, который та возглавила.

На фронт отправляются практически все мужчины ее семьи – муж и пятеро братьев, остался лишь тяжело больной отец. Первое страшное известие с фронта приходит о брате Олеге, смертельно раненном под Вильно. А подо Львовом Котэ впервые ведет в атаку солдат в качестве ротного команди-

† Князь К. А. Багратионъ-Мухранскій.

Предводительствуя ротой одного из полков кавказских полков, палъ смертью храбрыхъ на полѣ брани флигель-адъютантъ поручикъ князь Константинъ Александровичъ Багратионъ-Мухранскій. Покойный князь К. А. состоялъ въ бракѣ съ Ея Высочествомъ Княжной Татьяной Константиновной, Августѣйшей дочерью Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елисаветы Маврицѣвны. Покойному не было 25-ти лѣтъ.

ра. Это – и последняя его атака. «Пули свистели на все лады, шрапнели рвались настолько близко, что нас обсыпало землей... – писал домой участник того боя полковник Вышинский. – Во время этого наступления был убит князь Багратион-Мухранский». Пуля попала в лоб. В июне 1915-го обнародуется царский указ: «Утверждается постановление Георгиевской Думы о награждении Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени убитого в бою с неприятелем прикомандированного к 13-му Лейб-гренадерскому Эриванскому Царя Михаила Феодоровича полку Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка флигель-адъютант штабс-ротмистр князь Константин Багратион-Мухранский за то, что 19 мая 1915 года при атаке неприятельской позиции к востоку от селения Загоды, командуя 5-й ротой сего полка и увлекая своим примером нижних чинов, с беззаветным мужеством, засвидетельствованным начальником боевого участка, первым ворвался в неприятельский окоп, причем тут же был убит».

Страшную весть сообщает Романовым по телеграфу земляк погибшего, легендарный генерал

Овдовевшая Татьяна

Алексей Брусилов, командовавший Юго-Западным фронтом. Больному тестю не сразу решаются сообщить об этом, когда же сообщили, «на нем не было лица». А Татьяна отказывается от траурной одежды. «Она сидела в Пилястровом зале и была очень спокойна, – свидетельствует ее брат Гавриил. – Слава Богу, она очень верующий человек и приняла постигший ее тяжкий удар с христианским смирением. Она не надела черного платья, а надела все белое, что как-то особенно подчеркивало ее несчастье. В тот же день вечером была панихида в церкви Павловского дворца, на которую приехали Их Величества с Великими князьями и много публики». Лишь там, на панихиде, овдовевшая княги-

ня покачнулась, царь поддержал ее за локоть.

Как только заканчиваются траурные церемонии, Татьяна вместе с приехавшим с фронта братом Игорем отправляется в Харьков – встретить тело мужа и сопровождать его в древнюю столицу Грузии – Мцхету, в собор Светицховели, где традиционно хоронили князей Багратиони. «В Тифлисе был привезен прах князя Багратиона. В Тифлисе на всем пути торжественной похоронной процессии были выстроены шпалерами войска гарнизона и все учебные заведения города, и наш кадетский корпус», – вспоминал один из современников. А газеты грузинской столицы сообщали: Татьяна распорядилась скупить все цветы, продающиеся в те дни в Тифлисе, и отвезти их в Мцхету... Через два дня после похорон еще один удар судьбы – не перенесла потерь близких людей, умер ее отец.

Так для княгини Татьяны Багратиони-Мухранской завершается счастливая жизнь. Всю свою любовь она теперь отдает детям и брату отца Дмитрию Константиновичу. У того близорукость почти перешла в слепоту, но он все равно помогает заботиться о детях. И сопровождает Татьяну, когда ей необходимо присутствовать на придворных церемониях. А потом – октябрьский переворот 1917-го... Братьев Константина, Игоря и Иоанна арестовывают и высылают в Вятку, а затем на Урал. Сама же княгиня добровольно отправляется в другую ссылку – в Вологду, вместе с высланным туда дядей Дмитрием. Потом начинается череда трагедий. В июле 1918 года в уральском Алапаевске, как и еще несколько членов Дома Романовых, сброшены в шахту и забросаны гранатами три брата Татьяны. После возвращения из Вологды в Петроград арестовывают в качестве заложника и в январе 1919-го расстреливают дядюшку Дмитрия. Вместе с тремя другими великими князьями. Татьяну, к счастью, не трогают – формально она уже не числится в семье Романовых. Но ясно, что оста-

Вознесенский Елеонский монастырь в Иерусалиме

Игуменя Тамара

ваться в Петрограде очень опасно. И она уезжает с детьми в Киев, где пока еще нет большевиков. В небольшом багаже – брошюра о царице Тамар...

Через Румынию и Швейцарию они перебираются во Францию, дети получают прекрасное образование, и род Багратиони-Мухранских может гордиться ими. Теймураз, как и его отец, выбрал военную карьеру. Окончил Крымский кадетский корпус, переехавший из Ялты в сербский город Бела-Црква, затем – югославскую военную академию. Десять лет прослужил в югославской армии, воевал с гитлеровцами, работал в посольствах Югославии во Франции, Англии и Швейцарии. Уехав в США, возглавлял Толстовский фонд, занимался благотворительной деятельностью, работал в Архиерейском Синоде Русской Православной Зарубежной Церкви, участвовал в создании Конгресса русских американцев. А еще был председателем Палестинского общества. Того самого, которое когда-то возглавляла его родственница по романовской линии великая княгиня Елизавета Федоровна, зверски убитая вместе с его дядями. А Наталья окончила Мариинский Донской институт, перебравшийся из Новочеркасска в Сербию, вышла замуж за британского дипломата, поэта и переводчика Чарльза Хепберн-Джонстона и переводила вместе с ним русских классиков.

А что же сама Татьяна, которая, между прочим, назвала своего домашнего пса Мегобар (на грузинском «мегобари» – друг)? Вот что писала ее младшая сестра Вера: «Когда Теймураз – Тимур и Натуся окончили школы и сделались самостоятельными, сестра моя в 1946 году постриглась в монахини... Она уехала в Иерусалим и сперва монашествовала в Гефсимании. С 1951 года она – уже

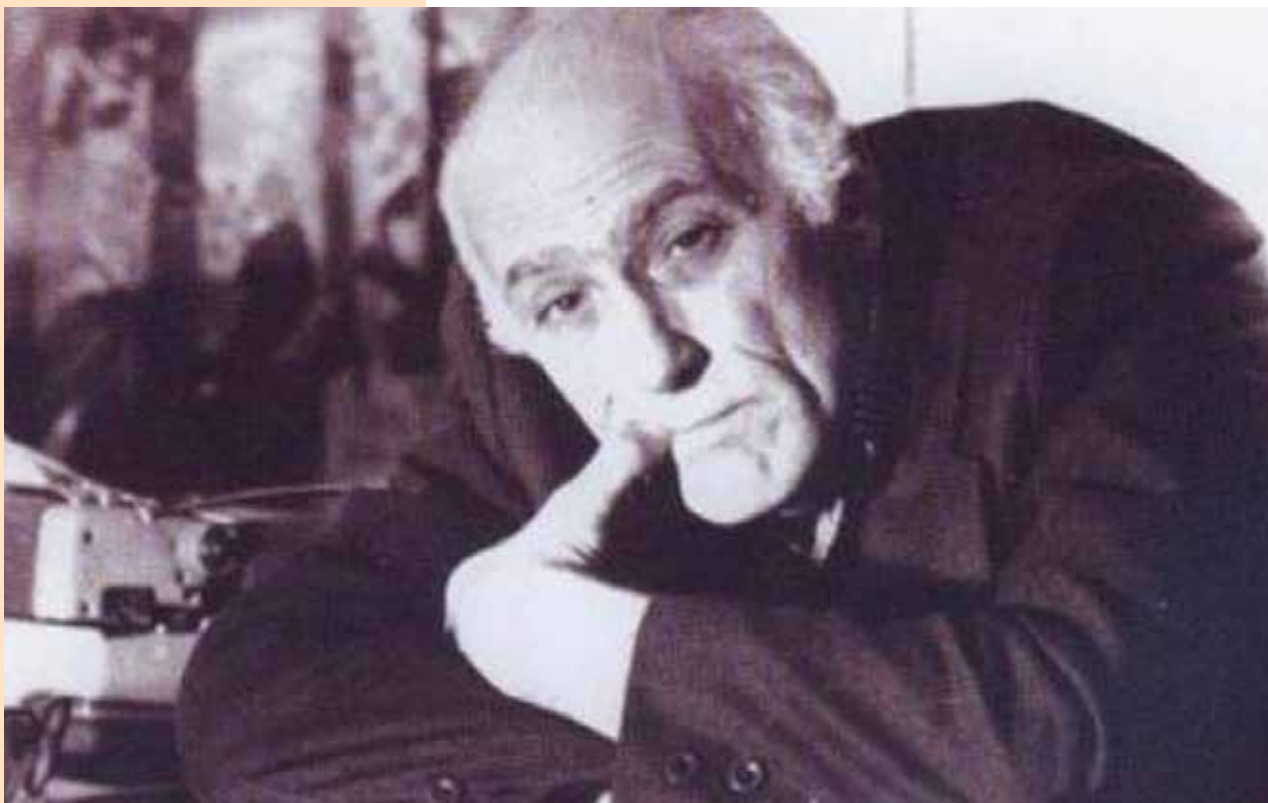
Здесь покоится игуменя Тамара – великая княжна Романова

Могильная плита Константина Багратиони-Мухранского

игуменя Вознесенского Елеонского монастыря». Так на Святой Земле появляется монахиня... Тамара. При постриге Татьяна взяла именно это имя. Под ее управлением монастырь на Масличной горе расцвел. А игуменское помещение матушки Тамары, по воспоминаниям современников, представляло собою «большую парадную приемную». Помимо икон и портретов церковных деятелей, там висели портреты русских царей и цариц, стояла мягкая старомодная мебель в белых чехлах, перед диванами – овальные столики. Все в стиле детства и юности великой княжны Татьяны...

Ее доброту и сердечность по сей день помнят в обители, которую она возглавляла 24 года. На покой она ушла добровольно, почувствовав, что стала заметно стареть. Она еще успела повидать Теймураза, примчавшегося из Нью-Йорка, и умерла в день Успения Богородицы. От ее могилы до Мцхеты, где покоится ее муж – 1.400 километров по прямой...

СВОБОДНЫЙ РАБ БОЖИЙ

К 95-летию со дня рождения Чабуа Амиреджиби

■ Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

История семьи человека-легенды Чабуа Амиреджиби повторяет трагическую историю Грузии XX века. Его отец был арестован в 1938 году и погиб во время следствия, мать провела в ссылке более 10 лет. Сам Чабуа в 1944 году был приговорен к 25 годам заключения за участие в студенческой политической группе «Белый Георгий». Он трижды бежал. Во время одного из побегов судьба занесла Чабуа в Белоруссию на должность директора крупного деревообрабатывающего комбината, откуда он даже выезжал в загранкомандировки. Дела при нем пошли настолько в гору, что передового руководителя решили представить к ордену. Стали готовить наградные документы, и выяснилось, что кандидат в орденосцы беглый зэк. На сей раз его отправили на Колыму, и освобожде-

ние пришло лишь в 1959 году. У меня есть все основания предполагать, что Чабуа все эти долгие и страшные годы обдумывал свои литературные произведения, сразу же привлекая внимание грузинского читателя и легко вписавшись в «новую волну» щедрых 60-х годов.

Мне, начинающему переводчику, посчастливилось именно в эту пору познакомиться с «начинающим автором», и в результате лестного для меня сотрудничества на русском языке появилась книга «Цена перевала». По понятным причинам блестяще знавший русский язык Чабуа работал со мной над текстом бок о бок достаточно придирчиво, что явилось для меня важной школой жизни и мастерства. Однако всемирную славу Чабуа принесли не эти рассказы, брызжащие талантом, написанные отточенным,

богатым грузинским языком, а знаменитый роман-притча «Дата Туташхия» (1973–1975). Популярность этой подлинной эпопеи трудно преувеличить. Многосерийный телевизионный фильм «Берега» с великолепным Отаром Мегвинетухуцеси в главной роли расширил круг читателей как в самой Грузии, так и за ее пределами. Молодое поколение, наверное, помнит, как в 80-е годы в каждом тбилисском дворе мальчишки играли «в Дату». В одном из своих интервью Амиреджиби говорил: «Дата Туташхия – образ собирательный. Мне трудно судить, насколько соответствует он реальному грузину. Мы ведь очень разные. Есть и такие, кто по своим душевным качествам весьма близок моему герою». Герой, на самом деле, не просто Робин Гуд, боровшийся за справедливость, но личность

сложная, многоплановая, философ и мыслитель. Личность к тому же абсолютно трагическая и, на мой взгляд, заведомо обреченная. В конце грандиозного четырехчастного сочинения Дата гибнет от руки собственного сына.

За этим последовал роман «Гора Мборгали» (1994), а за ним «Георгий Блистательный» (2005). Герой второго романа Иагор Каргаретели по прозвищу Гора Мборгали в известной степени повторяет судьбу самого автора. Этот человек рвется к свободе и готов бороться за нее до последнего вздоха. Заканчивая роман «Гора Мборгали», Чабуа в беседе с известным писателем-правозащитником Ильей Дадашидзе говорил: «Здесь есть чрезвычайно важная для меня мысль – каждый человек в своей биографии повторяет биографию своего народа. Что пережил его народ на протяжении своей истории, то и человеку

суждено пережить на протяжении его жизни. Каким его народ сложился, такой же сформируется и его собственная жизнь – с той же суммой успехов и невзгод». Собственно, именно этими словами Чабуа навеяно начало моего скромного эссе. Ведь не зря родители дали своему сыну при рождении имя героя грузинского фольклора – Мзе-чабуки. Не случайно сам Чабуа своего любимого героя Дата Туташхия называет именем героя древней грузинской мифологии Туташхи. И порой мне кажется, что гибель сына Чабуа Ираклия на абхазской войне тоже была предопределена и самой судьбой, и всей грузинской историей.

Если меня спросят, что главное в творчестве Амиреджби, что самое привлекательное в нем? Я отвечу – любовь к родине. По силе и интенсивности этого чувства писатель является прямым преемником наших классиков – Ильи, Акакия,

Важа. А если вернуться в глубокую древность, то основным источником, питающий мощное искусство прозаика – это Библия и Жития Святых. Чабуа Амиреджби – подлинно христианский писатель. Он весь полон духовности. Но при этом он сочувствует человеку и никогда не отрывается от живой жизни, как и его великий предтеча Шота Руставели. Лично мне кажется, что когда Амиреджби создает своих героев, он невольно ориентируется на Тариэла, Автандила, Фридона. В прозе Амиреджби, подобно шедевру Руставели, эпос сочетается с лирикой, рыцарская суровость с глубокой нежностью и любовью.

В начале 90-х годов волею судеб я оказалась в Крестовом монастыре в Иерусалиме. Надо ли описывать мое волнение и трепет при посещении этого не только святого, но и священного для каждого грузина места. При виде фрески с изображением Руставели у меня страшно забило сердце – я увидела не только нашего гения Шота, я увидела Чабуа: та же благородная осанка, облик святого старца, типично грузинское лицо, даже не лицо, а лик. Хочу напомнить, что в те годы Чабуа еще не был монахом. Но, возможно, в нем уже созревало это судьбоносное решение.

Чабуа Амиреджби всегда был преданным сыном своей земли и своего народа. Народа, вместе с которым он прошел все горести, радости и страдания. Чабуа мог бы повторить вслед за Анной Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Пронизанное национальным духом творчество писателя заставляет нас вспомнить неповторимого Давида Гурамишвили с его «Бедами Грузии». Здесь мы видим такое же слияние собственной биографии с судьбой отчизны. Сохраняя этот национальный дух, Чабуа Амиреджби занимает достойное место в антологии мировой прозы. Это писатель блестящей европейской школы,

Анаида Беставашвили и Чабуа Амиреджби

продолжатель лучших традиций как грузинской, так и западной литературы.

Конечно, Чабуа в первую очередь был сыном своих необыкновенных родителей – отца, в честь которого он называл своего старшего сына, и матери, за которой он так нежно ухаживал, когда она наконец вернулась из ссылки. Они взрастили подлинного рыцаря без страха и упрека, истинного патриота, человека, на которого всегда и во всем можно положиться. В своей собственной семье Чабук и Тамрико таким же волшебным образом воспитали своих сыновей. Приходит на память забавный и в то же время о многом говорящий случай в Квишхети. В Доме писателей мы жили рядом. Однажды я постучала к ним в дверь, обеспокоенная детскими криками. Совсем маленькие Куцна и Шалва «выясняли между собой отношения». Посреди этого переполоха сидела невозмутимая Тамрико (прошу прощения, что так фамильярно называю супругу Чабуа, известную поэтессу Тamar Джавахишвили) и очень выразительно, не повышая голоса, читала детям «Вепхисткаосани». На мой недоуменный вопрос, подействует ли это на разбушевавшихся мальчиков, она спокойно ответила, что лучшего воспитателя, чем Руставели, она себе не представляет. Тамрико оказалась права: Куцна и Шалва Амирэджиби – достойные продолжатели своего рода. Раз уж мы заговорили о роде, то хочу добавить несколько слов и о породе. Много лет назад в московском Доме литераторов, где всегда очень многолюдно и шумно, я увидела, как затихла и расступилась публика – из зала выходил Чабуа и две его красавицы сестры: Родам и Натия... И я подумала, где же вы, бедные звезды Голливуда! Нет, не зря говорил Достоевский, что красота спасет мир. И не зря кто-то из классиков писал: «Природа – мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, засохла б нива жизни».

Я помню то отчаяние, в ко-

торое мы все впали, узнав о роковом диагнозе, поставленном Чабуку врачами. Помню так же, как он удивленно пожал плечами: «Я никогда не сдавался, не сдамся и сейчас». Хочу сказать, что наш незабвенный друг много лет оставался с нами не только благодаря врачам, но в первую очередь благодаря негибимой воле. Когда он уже не мог говорить, он писал на грифельной доске, и это были не менее важные мысли и слова, чем сделанное им прежде.

В 2010 году неожиданно для многих Чабуа Амирэджиби принял монашеский постриг под именем Давид, в честь святого царя Давида Строителя. По состоянию здоровья Илия Второй разрешил ему пребывать не в монастыре, а в собственном доме. Патриарх благословил писателя на продолжение творческой деятельности.

Я помню, как я по телефону (из Москвы) спросила Тамрико о причинах такого поворота в его судьбе. Ответ Чабуа был кратким: «Я больше ничего не могу сделать для своего народа, кроме как молиться за него». Чуть позже Чабуа написал об этом же в письме, которое я впервые публикую полностью.

24-27.09.2011

Ида, дорогая. Я соскучился по тебе и, главным образом, по этой причине согласился ответить на вопрос – что толкнуло меня пойти в монахи. Пишу, беседую с тобой: духовный конфликт с окружением девятидесяти лет насилует меня разными способами в зависимости от того, какими политическими взглядами старался он духовно покорить человека и общество.

Каждое правление старалось разуверить меня во всем, во что верили мои предки и я сам, что и толкнуло меня вернуться к предкам. Я ограничился тем, что противопоставил себя тем, что не поддавался требованиям идеологически сменяемой верхушки. Живу, не подчиняясь никакому диктату, навязываемому часто меняющимися «идеологиями».

Монах Давид (в миру Чабуа Амирэджиби)

Я вернулся к предкам, т.е. к многовековому вероисповеданию грузинского народа.

Моя келья – мой рабочий кабинет в моей квартире, что ни в коей мере не означает ссору с окружением. Это не отшельничество, а собственный способ активного общения с миром.

Я, Чабуа Амирэджиби – монах Давид.

Прошу прощения за почерк – я очень стар.

...Ч.Амирэджиби

Тбилиси

(Письмо написано на русском языке)

Понятно, что к такому письму мне добавить нечего, и в комментариях оно не нуждается. Это драгоценное послание, абсолютно искреннее и открытое – боль и в то же время надежда. Спасибо тебе, Чабук, Чабуа, Мзечабуки, монах Давид. Ты всегда будешь с нами и даже в мире ином, если мы этого заслуживаем.

Михаил Мамулашвили и Георгий Чубинашвили

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА МАМУЛАШВИЛИ

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

Мне было пять лет, а брату три года, когда мама ярким июньским днем повезла нас в Рай.

Рай располагался во Мцхета. Мы подошли к воротам и постучали камнем, подвешенным на цепи, и вошли в море цветов. Розы всех возможных оттенков были над нашими головами, внизу ковер из полевых цветов, а на уровне наших глаз был удивительный мир – сверкали друзы драгоценных камней, высились миниатюрные храмы и крепости, у их подножья, как сказочные существа, лежали в полутени кувшины всевозможных форм, двигалась маленькая арба с кевври, цвели миниатюрные сады. Пахло розами и пели птицы. А потом по тропинке к нам спустился Создатель всего этого рая. Возможно, он прилетел с небес на сверкающем стеклянном корабле с цветами, который виднелся за его спиной. Он был небольшого роста, с добрыми глазами и седыми усами. Он с нами заговорил, и мы спокойно отвечали. Он нам

подарил маленький кувшинчик с цветком, а маме куст розы под названием «Глория Деи». Все мое детство роза цвела в большой кадке на балконе крупными желто-розовыми соцветиями, и все вокруг знали, что это роза Мамулашвили.

Потом были ежегодные выставки цветов в самых престижных залах и павильонах города – маленьких Челси. Десятки цветочных питомников и известных декораторов соревновались в создании лучших композиций. Цветочное пиршество! Но апофеозом всех выставок всегда был небольшой стенд Михаила Мамулашвили. И другая красота – простая, чистая и изысканная. Она задевала какие-то очень глубокие струны в душе каждого взрослого человека и ребенка.

И вот совсем недавно в редакцию журнала «Русский клуб» принесли шкатулку с письмами Михаила Мамулашвили друзьям юности супругам Сумбаташвили-Сараджишвили, которые те бе-

режно хранили долгие годы. Поздравительные открытки и короткие письма на плотной бумаге с восхитительными миниатюрами из засушенных цветов. Лепестки композиций под нашими взглядами трепещут как крылья бабочек и могут исчезнуть в любое мгновение. Эти бабочки из прошлого напомнили, что мы теряем что-то очень важное. Любовь к цветам и доброту!

Знаменитый цветовод, селекционер, декоратор прожил сто лет, семьдесят лет из которых он имел сумасшедшую популярность как в Грузии, так и за ее пределами. Он вывел десятки сортов роз и хризантем невероятных оттенков. Вырастил на штамбах фиалковое дерево и обогатил огромное количество лесных и полевых растений. Он заставил людей полюбить не только цветы, но и камни. Элементы грузинской керамики обязательно присутствовали в декоре его садов, как и засушенные цветы в его букетах. В конечном итоге он навсегда изменил вкус своих соотечественников и чувство стиля. В новой культуре красоты были простота и изысканность с национальным акцентом. Мир оценил эти изменения. На десятилетия его сад во Мцхета стал чуть ли не главной достопримечательностью Грузии. Не иссякал поток посетителей сада. Все гости бывали обласканы приветливым хозяином, одарены небольшими сувенирами, изготовленными мастером у них на глазах. Редкая красота и доброта оставались в памяти на всю жизнь.

Очевидно, если человек рождается с миссией, то вся Вселенная ему в этом помогает! Так было и с Михаилом Мамулашвили. Он родился во Мцхета в 1873 году в многодетной крестьянской семье, и сто лет жил и работал у стен Храма Светицховели – под его защитой. С самого детства Михо обожал цветы. Казалось, какую помощь могла оказать обедневшая семья развитию его таланта? Но его крестной была настоятельница женского монастыря Святой Нино в миру Нино Амилахвари, а воспитательницей монахиня Пелагея. В монастырях в то время бывал весь цвет грузинской интеллигенции. Мальчик проводил много времени в этом кругу. В шесть лет его по-

Композиция в саду Мамулашвили

вели на прогулку в Тбилисский ботанический сад, ребенок был потрясен, увидев экзотическое дерево гинкго билоба с желтыми бабочками листьев. Через 60 лет в память о первом восторге он подарит Тбилисскому ботаническому саду всю свою коллекцию декоративных растений и своими руками создаст новый отдел сада. А в семь лет он создал свой маленький сад и растил в нем саженцы деревьев, которые вылавливал из вод Арагви. Ужасно страдал, если растение погибало. Попытка отдать ребенка в обыкновенную гимназию не увенчалась успехом. Его не интересовало ничего, кроме растений и камней. Поэтому родители и крестные определили Михо в сельскохозяйственное училище в Цинамдзгваркари, где его необыкновенная увлеченность и трудоспособность оказались в поле зрения основателя училища известного Ильи Цинамдзгвришвили. В дальнейшем он переведет подростка в Тбилисскую школу садоводства и до конца своих дней будет принимать самое активное участие в жизни своего ученика. За блестящие успехи после окончания школы Михаил был отправлен на учебу в Варшавский гомологический институт.

Уже в то время он принимает активное участие в выставках цветов и становится необыкновенно популярным декоратором

в высших слоях тифлиского общества. Но жизнь готовила серьезные испытания. В семнадцать лет Михаил теряет родителей и остается единственным кормильцем четверых младших братьев и сестер. И тогда директор садоводческой школы Остапович помогает ему устроиться садовником во дворец наместника. Восемь лет Михаил работает главным садовником во дворце. Чем не блестящая карьера для молодого цветовода-декоратора? Но карьера ничего общего не имеет с миссией. У Михаила другое предназначение и другая мечта. Он хочет вырастить свой сад и развести сады для своего народа по всей Грузии. Он хочет

Могила Михаила Мамулашвили

научить людей любить родную природу и возвращать красоту. А еще он молод, влюблен и собирается жениться на девушке из известной тбилисской семьи Картвелишвили. Стоило наместнику Голицыну выразить недовольство, что после женитьбы садовник будет уделять меньше времени саду, Михаил женится и... покидает дворец.

С одержимостью он начинает заниматься своим мцхетским садом и в то же время приобретает еще один бросовый участок земли в Нариквави, где ничего не росло, а водились только волки и медведи. Необходимо было показать людям, как на голых камнях создается дивный сад. Михаил, его братья и сестры трудились не покладая рук. На участке вообще не было почвы. Весь сад посадили на привозном грунте. Все годы, пока закладывался сад, семья Мамулашвили очень нуждалась. И опять на помощь пришел Илья Цинамдзгвришвили. Именно он предложил открыть на Пушкинской улице цветочный магазин «Солеил Диор». С этого благословенного момента Михаил Мамулашвили становится законодателем цветочной моды и дизайнерского стиля в Грузии. Его великая любовь к цветам вдохновляет людей. Однажды Михаил с таким восторгом и благоговением изучал тюльпаны в королевском саду Голландии, что королева лично прислала ему посылку с луковицами лучших сортов.

Теперь он оформляет все балы и пышные юбилеи в Тиф-

Портрет Михаила Мамулашвили

Город Мцхета

лиси. Свадебные торжества, венчания и похороны. Считается хорошим тоном заказывать в его магазине огромные цветочные корзины и крохотные бутоньерки. Синие розы на венчании Бабо Дадиани, похоронный венок Сталина, гвоздики в петлице Тициана Табидзе, пасхальные букеты из редких цветов для всех своих друзей художников и поэтов – все это от Мамулашвили. Магазин-салон становится местом паломничества творческих людей. И пока они черпают вдохновение, мастер работает самоотверженно. Появившиеся деньги вкладываются в сады, но в основном идут на благотворительность. Многие нуждающиеся люди даже не знают, откуда приходит помощь.

Он как будто старается успеть обласкать и одарить своих выдающихся друзей, прежде чем они уйдут в вечность. Он с радостью создает грузинский сад в имении Ильи Чавчавадзе и ухаживает за ним даже после смерти хозяина.

Я и сегодня думаю, что Михаил Мамулашвили был посланником небес. Грузии предстояли тяжелые времена войн, революций и террора. Душу народа надо было спасать красотой и добротой.

Михаила новые власти не трогали, еще бы – каждый год

его семья выращивала на участке Нариквави 20000 саженцев фруктовых деревьев и дарила их крестьянам и частным хозяйствам. Мамулашвили бесплатно озеленял скверы и парк во Мцхете, на Мтацминде и в других уголках Грузии.

Он стремился помочь нуждающимся людям, украсить или хотя бы скрасить их жизнь. Вот воспоминания одной из монахинь монастыря Святой Нины, мало что знавшей о жизни Михаила: «Во Мцхете жил известный цветовод по фамилии Мамулашвили. Он не заходил в наш монастырь, и мы считали его человеком, всецело погруженным в мирские дела. Пришло время, и нам велели уходить из монастыря на все четыре стороны, угрожая, что если кто задержится, то его отправят в тюрьму. Двор оцепила милиция, приехало начальство, наши вещи выкинули из келий. И вдруг появился Мамулашвили. Он сказал, чтобы нас не трогали, так как он берет нас к себе на работу. Он сам перевез наши вещи в свой дом, взял наши иконы и книги, приютил нас всех; кормил нас и заботился о нас, как отец о своих дочерях или брат о своих сестрах. А ведь за это его могли самого сослать! Через несколько месяцев – не знаю, по какому ходатайству, – нам разрешили вер-

нуться в монастырь и выделили несколько комнат, а остальные помещения взяли под туберкулезный диспансер. Мамулашвили помог нам переехать и после этого опять не появлялся у нас. Но я думаю, что он через других людей тайно посылал нам милостыню. Это было мне уроком: не судить из людей никого».

Михаил Мамулашвили умер в 1973 году и похоронен в своем саду. Еще пару десятков лет, пока были живы сын и дочь – профессиональные садовники, сад жил и цвел. Но все проходит! Сегодня на улице Мамулашвили цветут сады во всех красивых ухоженных частных особняках и гостиницах. И только сад самого Мамулашвили не цветет! Нет, он убран, композиции на каменных подставках сохранены, дорожки подметены. За ними смотрит по мере возможностей – внук Михаила. Интервью он не дает, комментарии не делает. Просто живет воспоминаниями. Но лабиринт оранжерей, некогда увитый орхидеями и другими экзотическими цветами со всего мира, полностью разрушен. Цветов нет вообще! И лишь единственный бутон розы, просунувшись через ограду, сигналил миру об утерянной красоте...

«ТУТА, ТУТА, ХАР ТУТА!»

Из цикла «Исцеловать свою землю...»
См. № 9

■ Валерий ПАРТУГИМОВ

С этой фотографии ярко-зеленых листьев тutowого дерева струится поток живительного тбилисского воздуха – столь хорошо мне знакомое эфирное смещение лучей жгучего солнца и прохлады акварельных теней.

В пору моего детства развесистые кроны шелковиц нависали над крышами, дворами, балконами едва ли не каждого двора. Не ведаю, много ли их ныне в городе, но куда могла подеваться шелковица, раз уж дарована ей жизнь сроком не менее двухсот лет, а некоторым ее сестрицам, двоюродным по родословной – и до полутысячи?

Детство моего поколения вклинилось в расщелину меж угасавшей под грустный звук дудуки эпохой почти ирреальной старотифлисской жизни и все более укоренявшейся действительностью с нависшим над людьми «дамокловым» серпом да молотом в придачу. Мы, дети не вторгшейся в Тбилиси войны, от нее, однако, хлебнувшие по полной, не доросли до осязательного восприятия разлившегося вокруг горя. Нам кто-то свыше позволял недопонимать сути трагедии войны, не сполна страдать переживаниям родных людей. Оберегаемые невидимыми поводьями, мы в параллельной детской жизни от души предавались ребячьей веселости, наслаждались своей непосредственностью, шалостями и играми.

Поскольку дети 40-х, по понятным причинам, настоящих игрушек не имели, мы сообща их придумывали. Назначали игрушками срезки кинолент фильмов «Багдадский вор» и «Аршин мал алан», брючные пояса для лучшей в мире игры «лахти»,

деревянную битку «чилка-джохи» для лапты, самокатки на подшипниках. Игралищем нам служили набитый кукурузными зернами тряпичный мячик «авчалури», бараньи косточки «кочи» для вышибалки и даже пустая консервная банка от заветной американской сгущенки, которую надо было сбить булыжником в давно позабытой тбилисцами игре с забавным названием «Кучур, на место!». В дворовые игры органично включались и крепкие ветвистые деревья, которые прильнули к домам, были усеяны цветастыми бабочками, изумрудными сококоножками и – нашими ножками. Можно сказать, что полнокровное детское счастье я испытал, когда впервые рискнул влезть на шелковицу и, цепляясь за крючковатые выступы ветвей, с опасной высоты окинул взглядом окрестности и пылающий в моих глазах воображаемый мир.

В непривычно широком сдвоенном дворе в конце 3-го тупика Ахоспирели главкомандующим деревом малышкой была безоговорочно признана шелковица, которая казалась одетой в броню и поражала исполинским ростом. Дерево своим видом убеждало нас, что облечено мощной властью в природе. Его ягоды, которые в мире именуют по-разному: тутовник, тут (дут), тютина, шелкун, шах-тута, mulberry-tree – в Тбилиси принято называть тутой. Тута сладость – слово в радость, звук от него раздвоенный, мягкий и хлесткий, словно дважды щелкнул большим пальцем по среднему.

С шелковицей, как подобием хищника, шутки плохи. В соседнем дворе спекулянт лекарствами

Война заканчивалась, тучи раздвигались, дети, не ведая о вчерашнем фактурном лоске и признанном городском авторитете в застолье, танце и песне этих опустившихся бродяг, снисходительно называли их «кинтошками». А талантливые гуляки и плуты тоже ничего не знали о своем, возможно, сакральном, предназначении, сокрытом в исчезнувшей архаике Средневековья, и с печальной растерянностью пытались продать каждому встречному никому не нужное. Как шаман, у которого отняли бубен, горбясь и выворачивая руки, седой кинто бессмысленно кружил и пританцовывал вокруг шелковицы, земля под которой была густо посыпана бесплатными сладкими ягодами. Глаза кинто вещали о том, что всему на этом свете приходит конец.

Когда я подросток и остался без отца, погибшего на войне, мы с мамой переехали жить в старинный, крепкий и сумрачный дом ее родителей, моих бабушки и дедушки. Он стоял в тех же краях – весь мир, казалось, упирается в Абас-Абадскую площадь (ныне имени Ладо Гудиашвили), сердце нежного и величавого района Сололаки. Меня там

со странным именем Сценари, которому ствол тутового дерева с темными ягодами мешал пристроить к дому крытый курятник, решил вывести растение – поливал смесью уксуса с хлоркой, нещадно резал нижние ветви. При этом со злостью ворчал: «Сволач сарняк!» Все без толку: несмотря на пытки, дерево за год выросло на полтора метра, корни стали толщиной с руку и, словно в отместку своему мучителю, подлезли под фундамент его домика, сделали пол горбатым, а стены кривыми. Жена торговца, с еще более удивительным именем Фантазия, бранилась на чем свет стоит, когда птицы, наклевавшись иссиня-черной тутью, помечали траурными пятнами вывешенное ею на просушку белье.

С шелковицей память связала эпохальные образы первых и последних увиденных мной кинто, которые к тому времени растеряли воспетую кистью Ладо Гудиашвили харизму. Кинто входили во двор в поблекших архалуках с обшмыганными краями рукавов, полинявших ситцевых шароварах. Они несли на макушках, под мятыми черными картузами, круглые деревянные табахи, подобные восточным меджмеи – огромным подносам для пиров. На табахи возвышались пирамиды нежных зернистых ягод, похожих на миниатюрную виноградную лозу. Кинто натужно кричали: «Тута, тута, хар тута!», потом устало садились на корточки, скручивали косяки, нещадно дымили и угрюмо глядели на нас, голопузых ребяташек, с которых взять было нечего.

приветливо встретили две высоченные, экзотичные для Тбилиси беленькие березы, посаженные моим дедушкой, и проросшее сквозь балкон нашего дома кряжистое тутовое дерево. Шелест его листьев о черепицу крыши создавал ласковую мелодию, под которую я засыпал.

Шелковица, которую с древних времен называют «королевой ягод», служила детям прототипом новогодней елки – в июньскую пору цветения одаривала нас несметным количеством сочной туты величиной чуть ли не с палец, заваливала полдвора и нашу веранду. Мы никогда не собирали нежную и не любящую отрываться ягоду до ее полного созревания. Как только ягоды наливались соком и начинали сами отваливаться, дворовые умельцы раскладывали под деревом простыни, и кто-нибудь начинал бить ногой по стволу. Через день-два и трясuti дерево было ни к чему – оно расщедривалось большим, желтовато-золотистого цвета ковром в несколько сантиметров толщиной.

Набрав туты с балкона в медный таз, моя бабушка выпаривала на огне, а иногда – на солнце татарский бекмес, вкуснейший сгущенный тутовый сок. Бекмес хранили в деревянной бочонке в подвале весь год, добавляли в компоты, кисели, домашний морс, подавали наряду с наршарабом к сигу, который дедушка изредка позволял себе купить на рынке у приезжих рыбаков с озера Севан.

Но варенье из ягод шелковицы почти никто не варил. Из грецкого ореха, черешни, вишни, кизила, даже из баклажан и корок арбуза варили, казалось, днем и ночью, а вот туту наши бабушки и тетушки почему-то игнорировали. Редко кто и самогон из нее делал, хотя чача в Грузии в большом почете и гонят ее почти из всего, что растет на этой тучной земле. Задумался над этим казусом, когда

впервые попробовал «Арцах», появившуюся лет 20 назад в Москве великолепную на вкус рукотворную тутовую водку. Наверное, непривычное по 40-м годам обилие чего-либо съедобного, запретельная щедрость шелковицы, вот это «бери – не хочу» вызывали у горожан несправедливо пренебрежительное отношение к лежавшим на земле бесхозным ягодам, в которых нога утопала по щиколотку.

Откуда было нам тогда знать, что тута укрепляет иммунитет, набита глюкозой и сахарозой, белками, жирами, витаминами – всем тем, чего остро не хватало нашим детским неокрепшим организмам? Полезной едой мы не были избалованы: даже примитивная жареная картошка встречалась в домашнем меню реже вареной по причине мизерного количества жиров в продуктовых карточках. Чувство тревоги не позволяло мне заснуть, когда мама под тусклый свет керосиновой лампы собиралась в час полуночи идти с авоськой в подвальное помещение соседнего дома на углу улицы Лермонтова. В это темное время жившие там молчаливые суровые хевсуры конспиративно продавали куски домашнего сливочного масла величиной с ладонь, которые были уложены на крупные листья шелковицы и сбрызнуты водой. Странность ощущений усиливалась при рассказах соседей о том, что хевсуры моют волосы на голове растительным маслом, смешанным с выжатым из ягод туты соком.

Еды не хватало. Никого не удивляло, что на праздники люди дарили друг другу испеченный дома хачапури, лобио с лучком, чурчхелы, присланные родней из деревни. Соседка, умная, веселая и добрая Люлю Джанашвили, лет на десять старше меня, на Песах приносила в наш дом за-

вернутую в льняную салфетку стопку пробитых пунктиром листов белоснежной мацы. Мне в ладошку Люлю незаметно совала баночку сладкой замазки к маце из истолченных в ступе тугы, ореха и изюма.

Чернобровая, с пылающим взглядом юная иудейка, кажется, приходила во сне к каждому ребенку двора, была нами вознесена в образ ангелоподобной носительницы человеческого счастья. Люлю читала нам вслух книжки, учила хорошим манерам, танцам, пению, даже подражанию птичьих голосов. Она любила нас и почему-то жалела. В праздничные дни Люлю была главным режиссером театра малолеток, и в спектакле «Сын полка» наряжала меня в форму старшего брата, который пребывал в то время в Суворовском училище в Махинджаури.

Во дворе соседи расселись на вытасненных наружу кушетке с цветастыми мутаками, почти антикварной персидской банкетке с сиденьем из козьего шевро, винтовом табурете под пианино, изящном венском стуле, на деревянном коробе с противопожарным песком и перилах окружавших нас балконов. Пышнотелая Сима время от времени отходила к отделанному кирпичом огнедышащему очагу, на котором возвышался огромный луженый медный котел с бельем для стирки. Войдя в наш двор спустя полвека с той поры, я увидел на стене дома въевшееся в кирпич большущее пятно сажи от пламени давно потухшего и разрушенного очага.

В партере восседал неповторимый тбилисский интернационал: грузинские евреи отец, мать и брат Люлю – Мордех, Маня и Цамик Джанашвили, их однофамильцы Гера, Роза и Сима с неулыбчи-

вой матерью Иухапет, грузины Нодари Ломидзе, Юра Мосешвили, Котик Цинцадзе, братья Гиви, Отари и их сестра Гиули Читава, армяне Беба Гушян, братья Вова и Ремик Петросяны, русский Борис Куфтин, езидка Хала с выводком курчавых малышей с блестящими маслинами в глазницах, польская панна Станислава Николаевна и ее дочь Валюся – по деду Кавалерович, по отцу Сютчян, по мужу Цинцадзе. Бабо Софо с балкона второго этажа кричала своему сыну, инвалиду на костылях, который во дворе пил воду: «Вигенчик, от кранта ногу дальше клади!». Она, помню, пугала детей рассказами о том, что мы моемся трофейным мылом из резервов вермахта, а немцы якобы его варили из трупов убитых солдат. Софо никогда не спускалась вниз, смотрела спектакль, можно сказать, из ложки бельэтажа.

Комментарии зрителей к нашим лицедейским потугам произносились вслух по ходу действия. Они часто начинались на одном языке и заканчивались на другом, к тому же речь двора была пересыпана сочными словечками на фарси, которым никто не владел. Нетленный дух старого Тифлиса легким веселым облачком витал над нами.

Когда людской галдеж надоедал, крепыш Гиви по прозвищу «Гочи» («поросенок») выдирает из вязанки дров у очага полено и бил им по подвешенному к нижней ветви шелковицы обрезку рельса. Точно так в годы войны дежурный по двору обязан был сообщать жильцам об опасности налета немецких самолетов и необходимости спуститься в бомбоубежище. Но сделать это ему пришлось лишь однажды.

Под торопливый звон мы всей семьей спустились в забетонированный подвал соседнего дво-

ра. Там мама крепко сжимала мою руку, а я с оторопью глядел на встревоженные лица скучившихся соседей. В тот день немцы решили подвергнуть Тбилиси массовой бомбардировке, но по пути встречены были жестким зенитным огнем по предварительно расчерченным «квадратам» небосклона, и на окраины города упали всего одна или две бомбы – о том, сколько их было, старики спорят поныне. Опасность, однако, действительно висела над городом. В книге «Разведка и Кремль (Записки нежелательного свидетеля): Рассекреченные жизни» известный советский разведчик-диверсант, сподвижник Л.Берия, организатор убийств Льва Троцкого, епископа Теодора (Ромжи), народного артиста Соломона Михоэлса и многих других невзлюбленных властью ярких личностей, генерал-лейтенант Павел Судоплатов писал: «Опасения, что Тбилиси, да и весь Кавказ могут быть захвачены врагом, были реальны. В мою задачу входило создание подпольной агентурной сети на случай, если Тбилиси оказался бы под немцами». К слову, руководителем этой сети собирались назначить классика грузинской литературы Константинэ Гамсахурдиа. К счастью, мы избежали оккупации и бомбежек, но сигнальный рельс сгодился.

Иногда в кучку зрителей как-то бочком, незаметно втискивались два-три немца или японца из числа пленных солдат, которые копали в округе канавы для труб и с радостным усердием собирали туту в наших дворах. Тбилисские конвоиры

охраняли пленных без излишнего энтузиазма, а во дворах фигуры в потертых гимнастёрках растворялись – их словно не замечали, хоть и не обижали. Иногда чем-нибудь из еды одаривали, дети обменивали булочки с повидлом и конфеты-«подушки» из школьного пайка на японские монетки с дырочками посередине. У меня по сей день хранится стальной портсигар с гравировкой карты довоенной Чехословакии, заполученный тогда по бартеру.

Сценой дворового театра служили широкая деревянная лестница и терраса дома моих предков. Опираясь рукой о ствол тутового дерева, в стиле китайского театра играя с воображаемыми предметами, Люлю нараспев рассказывала нам красивую легенду о некогда отдохавшей под шелковицей китайской принцессе Си Лин Ши, которую изображала своенравная красавица Беба. В чашку чая с ветвей дерева упал кокон, который в горячей воде распустился переливавшимся гляncем нитями. Так Поднебесная Империя пять тысяч лет назад обрела один из главных своих секретов: невзрачный червячок-шелкопряд, живущий на тутовом дереве и питающийся его листьями, оказался единственным производителем нити натурального шелка. Отар, Цамик и Ремик как могли изображали купцов, которые устало брели из Китая в Европу по Великому Шелковому пути и распространяли по всему свету тутовое дерево и драгоценный шелк. К началу их «шестивия» Люлюшку на авансцене сменил новый, мгновенно захватывавший внимание всех рассказчик – дядя Боря. Живший с женой в скромной квартире на первом этаже Борис Алексеевич Куфтин, ученый с мировым именем, этнограф, археолог, успевший посидеть в сталинских лагерях и получить позже Сталинскую премию, академик Грузинской Академии наук, именем которого позже назвали нашу

улицу. Для детей его рассказы оборачивалась маленькими университетами: в каждом из нас, в разной мере, было встряхнуто им столь бесценное человеческое качество, как любознательность.

Но все-таки блистательная Люлю была вне конкурса. Разинув рот мы глядели на юную прелестницу, прислонившуюся к дереву, слившуюся воедино с властным диковинным профилем шелковицы, и эта картина отчеканена была в памяти, как образ неопикуемой красоты и неповторимости человеческой жизни.

Театральное представление завершалось чаепитием на балконе. Заваривали чай из листьев шелковицы, говорили, что полезный. Кто-нибудь из детей приносил коробку от обуви, укладывал на ее дно сорванный с шелковицы лист с усевшимся на нем червячком. Смешно изображали мнимых китайцев. И все это делалось с инстинктивным желанием не прерывать возбужденный игрой в театр поток воображения, остаться еще на какое-то время рядом с китайской принцессой, рассматривавшей золотистый кокон в чашке. Так мы и попивали чаек, пусть не в древнем Китае, а в Советском Союзе XX века, и словно впитывали в себя великолепие золотистых коконов и изумрудной гусеницы, которая лениво обстригала изящные зубчатые края листа тутового дерева.

Все ипостаси детского счастья в тот момент вмещались в маленький ларец из картона, и они были доступны любопытствующим взглядам мальчишек и девчат военной и послевоенной поры, жизнь которых, в отличие от жизни медленно ползущих по сердцевидному листу прядильщиц шелка, пролетела стремительно и с печальным эффектом необратимости.

Слава Натенадзе в спектакле «Гетто»

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОМЕДИАНТ

■ **Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Станислава Павловича Натенадзе не зовут по имени-отчеству. Его давно и неизменно называют символичным и говорящим именем Слава.

Странно было бы предположить в этом сдержанном, исполненном внутреннего достоинства человеке какое бы то ни было стремление к славе. Но именно ее – славы! – заслуживают мастерски сыгранные роли в двух, ставших для него родными, театрах – русском Грибоедовском и грузинском Свободном. Труженник подмошков, он ежедневно кропотливо репетирует и филигранно играет.

«Со Славой я познакомился в Театральном институте, – вспоминает Автандил Варсимашвили. – Когда я поступил, он учился на третьем курсе. Я был дружен с его педагогом Таней Бухбиндер, и, естественно, подружился и с ее учениками. Возник наш со Славой союз, который продолжается – я сейчас подсчитал – уже 37

лет. Он сыграл у меня очень много, почти в сорока постановках, начиная с институтского периода – уже тогда я начал занимать его в своих спектаклях. И по сей день он всегда рядом. Я чувствую его локоть, его дыхание. И очень рад этому, потому что Слава не просто хороший актер и хороший друг. Он соратник. Он всегда переживает за спектакль, даже когда у него маленькая роль. Я вспоминаю: шла репетиция «Комедиантов», а он сидел в зале, позади меня и смотрел сцену, в которой не был занят. В какой-то момент я обернулся и увидел на его глазах слезы. Он плакал. Я понял – у нас все будет хорошо, и еще раз убедился в том, что Слава – потрясающий человек. Он так болел за спектакль, так переживал, что у него душа болела. Мне очень хочется, чтобы я еще много раз репетировал, а рядом со мной сидел бы Слава, и у него на глазах блестели бы слезы».

«Мне кажется, что талант и

мастерство Славы не до конца проявлены и оценены, – считает режиссер Андро Енукидзе. – Его роли – это высокопрофессиональные, вдумчивые работы. Очень чисто сыгранные. Надо заметить, что он окончил факультет музыкальной комедии. И просто удивительно, с какой легкостью он смог перейти из музыкального театра в психологическую драму. Такое под силу только очень талантливым людям. При этом он не потерял своей музыкальности. Каждая его работа в совокупности с тонкой психологической проработкой образа – это всегда музыкальная партитура. У Славы интересные обертоны, он замечательно работает с голосом. Судьба предоставила мне радость поработать с ним над пьесой Шоу, где он играл Наполеона. Знаете, это очень трудно, когда такой скромный человек, как Слава, начинает играть молодого диктатора. Мне кажется, что это была редкая по качеству

Слава Натенадзе

актерская работа. Вряд ли широкая публика понимала до конца, сколько сил было вложено в эту роль».

Найти время для встречи со Славой Натенадзе оказалось не так-то просто – очень плотный рабочий график. Наконец артист выкроил полчаса в перерыве между репетициями. И мы поговорили, несмотря на то, что он три часа репетировал до интервью, и знал, что будет репетировать еще часа четыре после. Мое предложение побеседовать за чашкой кофе, чтобы он мог одновременно хотя бы немного отдохнуть, батони Слава отверг сразу. Объяснил: кофе отвлекает, расслабляет. Да, для него интервью – это тоже работа, к которой надо относиться серьезно и ответственно. Нечастый случай, скажу откровенно.

– 6 ноября мы будем поздравлять вас с юбилеем. Круглая дата – это повод оглянуться. Как вам кажется с высоты прожитых лет - гармонично ли складывалась ваша судьба?

– Если тебе уже за 50, то часто, оставаясь наедине с самим собой, когда прошел день, пришла ночь, ты лежишь и думаешь – могла ли твоя жизнь сложиться по-другому? Отвечу коротко: нет, ничего не могло быть иначе. Все должно было случиться так, как случилось. Конечно, можно было избежать каких-то неправильных шагов – вообще, в жизни. А вот все то, что связано с театром, происходило так, как и должно.

– Не случалась ли вам жалеть о том, что стали актером?

– Нет, никогда. Будем говорить откровенно: наша актерская братия живет не богато. Естественно, иногда поневоле возникает повод для сожалений, иногда ты даже готов, казалось бы, озлобиться. Но начинается спектакль, ты выходишь на сцену... Спектакль проходит – возьмем лучший вариант – хорошо, и вот – зритель доволен, много аплодисментов, цветов. И что же? Ты, счастливый, идешь домой и абсолютно доволен своей жизнью.

– Спектакль «Ревизор», в котором вы сыграли Городничего, с огромным успехом был представлен в Санкт-Петербурге, Минске, Львове. Но вот что примечательно – ваш поклон всегда сопровождается особенно бурными овациями и

«Идиотократия». С Н.Гомелаури и М.Джоджуа

неизменно – криками «браво». Такой прием действительно очень важен для актера?

– По большому счету, это просто твоя работа. Будут аплодисменты или нет, ты должен четко сделать свое дело. Но актер – не машина. И когда он ощущает, что зрителя его персонаж заинтересовал, что он понравился, то, конечно, у него вырастают крылья. К чему скрывать?

– Сомневались ли вы, принимая решение стать актером?

– Нет, ни секунды. Дело в том, что я, будучи учеником шестого класса, сыграл свой первый спектакль в профессиональном театре.

– Как это произошло?

– Я родился и рос в Ахалцихе. В то время там был очень интересный театр – Ахалцихский драматический, один из ведущих театров страны. Ныне я не могу повторить этих слов, но тогда было именно так. И меня пригласили на роль одного из сыновей заглавной героини в спектакле «Медея».

– А как вас выбрали, где нашли?

– Почти вся труппа театра была из Тбилиси. Актеры снимали квартиры, кто где. Одна из актрис была нашей соседкой, именно

та, которая сыграла Медею. Она знала, что я люблю театр, хожу на все спектакли. И рекомендовала меня попробовать. Так все и получилось. Потом мы ездили на гастроли по всей Грузии, и у меня была возможность присмотреться к театральной жизни, привыкнуть к ней. Оканчивая школу, я точно знал, что буду поступать в театральный. Сомнений не было.

– Кого вы считаете своим главным учителем в профессии?

– Татьяну Бухбиндер. Это талантливейший педагог, режиссер оперного театра, искусствовед. Будучи студентом, я проживал в студенческом городке, поскольку не был тбилисцем. В один прекрасный день Татьяна Михайловна просто привела меня к себе домой и сказала – будешь жить с нами. На протяжении двух лет я жил и воспитывался в доме Татьяны и ее супруга, замечательного актера Гурама Сагарадзе. Представляете, в какой среде мне повезло жить?

Цитата в тему: «Она была генератором энергии. Более энергичной женщины я не встречал. Она создала в маленьком городке Гори оперную студию и открыла этот театр прекрасным спектаклем на музыку Глюка, наивно доказывая себе и всему миру, что этот городок знаменит не только тем, что там рождаются тираны, но и тем, что там могут торжествовать прекрасные музы... Она любила принимать гостей. Почти каждый день у нее собирались гости. Зная эту ее страсть, Сергей Параджанов как-то попросил ее помочь в организации приема Театра на Таганке. Параджанов был хозяином, Таня – хозяйкой... Она была уникальна. Ее миссия была в том, что она радовалась победам других и помогала им. Помогать, поддерживать – этим божественным даром она обладала сполна. Обожала молодежь, обожала своих студентов. Она не была простым педагогом, этого было ей мало. Не имея своих детей, материнскую энергию направляла на студентов, оде-

В роли Городничего. «Ревизор»

вала их, кормила, кто-то из них жил у нее дома. Гурам ворчал по этому поводу, но только ворчал, так как понимал, что иначе она не может жить» (Авто Варсимашвили).

– Как сложилась ваша творческая судьба после окончания института?

– Я учился на факультете музыкальной комедии. Но после института пошел по пути драматического актера. Играл в Метехском театре. Потом Авто позвал меня в Свободный театр, и сразу же, одновременно – в Грибоедовский.

– Театр – ваш дом?

– Да, безусловно. Тут важны и дружеские отношения, и то, сколько ты сам лично вложил в свой театр. Мы с Авто дружим еще со студенческих времен. Я, правда, был курсом старше, но это не помешало нам стать друзьями. Потом он поставил в Метехском театре спектакль с моим участием. Кстати, вы знаете, как мы открывали Свободный театр? Нас было шестеро: Авто и пять актеров - я, Никуша Гомелаури, Ирина Мегвинетуцеси, Маико Добордженидзе и Рамаз Иоселиани. Мы своими руками строили сцену. И этим же составом сыграли первый спектакль. Свободный театр – мой дом. И Грибоедовский – тоже родной для меня, хотя я и не строил в нем

сцену. Но во мне соединены грузинское и русское начала: я по отцу – русский. Правда, я его так и не узнал – мне было три месяца от роду, когда он покинул нас. Меня воспитала мама-грузинка, я окончил грузинскую школу, грузинский вуз. Но чего-то русского мне всегда не хватало... Я отчасти находил это в Ахалцихе, который был закрытым военным городом, и там было много русских. Татьяна Бухбиндер была русскоязычной. И, наконец, я удовлетворил свое стремление к русскому слову, придя в Грибоедовский.

- У вас, видимо, очень хороший музыкальный слух – ваш русский безупречен.

- Вы правы относительно слуха – я закончил музыкальную школу по классу скрипки. У меня абсолютный слух.

- Как строятся ваши отношения с режиссером? Согласны ли вы с тезисом Георгия Товстоногова, что «театр – это добровольная диктатура»?

- Я не могу ни согласиться с этим тезисом, ни отрицать его. Если актер полностью отдается своей профессии, если он талантлив и интересен, то что может означать для него диктатура режиссера? Да ничего. Неприятие по отношению к требовательному режиссеру может возникнуть только у того актера, кто оказался в профессии случайно. Если

актер личность, то подчинить его невозможно по определению. А то, что режиссерский диктат необходим, это очевидно. Идею вынашивает режиссер, и спектакль еще до начала репетиций уже поставлен в его голове. Те персонажи, которых он придумал, должны быть такими, какими он их придумал. Иначе кто же ставит спектакль – актер или режиссер? Кстати, именно таков Авто. На сцене он диктатор, и это правильно. А за сценой он абсолютно другой – верный друг, который все что угодно для тебя сделает... А есть и другие режиссеры: диктаторы за сценой, а на сцене – не знают, что хотят ставить.

– Существуют, упрощенно говоря, два театральные направления. Психологическое – это Станиславский, Марджанишвили, Товстоногов, Туманишвили. И условное – Мейерхольд, Ахметели, Стуруа. Какое направление вам интереснее?

– Конечно, интересны оба. Но я вам так скажу. Грузинский театральный дух выражается в том, что наши актеры играют играючи. В них больше артистизма, куража. Мы более условны, метафо-

ричны, русские актеры более реалистичны.

Цитата в тему: «Я помню случай, когда Товстоногов решил повторить постановку БДТ и ставил у нас «Мещан». Здесь у него играли лучшие актеры. Он приехал на неделю, запустил пьесу и уехал, оставив вместо себя Розу Сироту, свою замечательную помощницу. Ставить спектакли у нее не получалось, но она здорово работала с актерами – именно по традиционной русской школе. Она репетировала в одной комнате, а я – рядом. Я вышел, смотрю, она идет, такая грустная. – Роза Абрамовна, почему вы в таком настроении? – Роберт, ваши актеры не умеют пить чай. – Как это? – И она начала объяснять необходимость жизненных подробностей – как брать стакан, помешивать ложкой, бросать сахар или пить вприкуску, пить чай с вареньем... В общем, целую лекцию мне прочла о том, как пить чай. И я подумал, что наши актеры и не захотят этого делать – они не будут держать в руках стаканы, а если и будут, то в них не будет чая. И сделают это в тех формах, которые свойственны

театру, причем не натуралистическому» (Роберт Стуруа).

– Как бы вы охарактеризовали сегодняшний театр имени Грибоедова?

– Это театр, абсолютно отличающийся от всех русских театров постсоветского пространства. И отличается он именно тем, что в нем присутствует грузинский дух. Но в то же время Грибоедовский сохраняет психологизм классического русского театра.

– Есть ли у вас любимые роли, спектакли?

– Было время, когда я называл любимым какой-то один спектакль. Потом – два. Сейчас их уже несколько. В Свободном театре – это «Комедианты». В Метехском – «Яйцо» Фелисьена Марсо, за который я получил премию «лучшая мужская роль года». Очень любил спектакль Грибоедовского «Ханума», по сей день мечтаю снова его сыграть. И, конечно, «Ревизор».

– Этот спектакль уже успел прославиться. Он принял участие в четырех международных театральных фестивалях, и приглашения следуют одно за другим. Что вы сказали бы тем нашим читателям, которые еще его не видели?

– Я советую им обязательно его посмотреть. Потому что такого решения классической пьесы Гоголя в мировом театре не было никогда. Решение Авто Варсимашвили – чрезвычайно оригинально. Те, кто любят театр, интересуются русской драматургией, Гоголем, просто обязаны увидеть нашего «Ревизора».

– Что вы пожелаете театру Грибоедова?

– Грибоедовский – один из самых интересных русских театров в мире. Поэтому он достоин всех благ. Которых я ему и желаю.

– А я пожелаю себе видеть вас на сцене этого театра много лет в новых замечательных ролях. С юбилеем вас, батонно Слава!

■ Гулбат ТОРАДЗЕ

Судьбе угодно было одарить меня несколькими встречами (пусть даже очень краткими) с великими музыкантами, оставившими незабываемые воспоминания, нестираемый след в моей памяти.

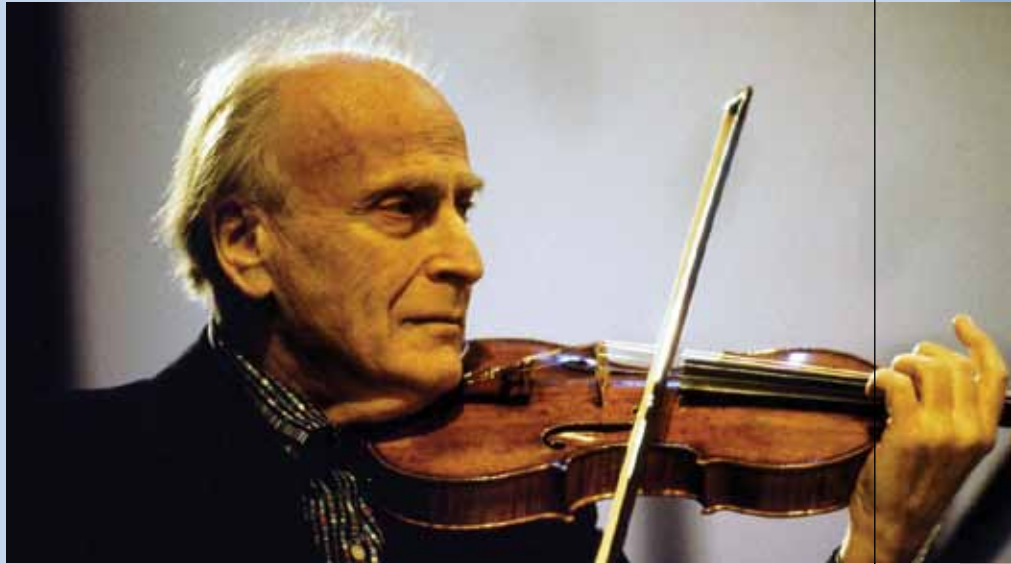
Одним из них был Иегуди Менухин (1916-1999) – знаменитый скрипач и благороднейшая личность, истинный «посланец ангелов», как его называли.

Впервые я увидел и услышал его в октябре 1971 года в Москве, где проходил очередной (7-ой) конгресс Международного музыкального совета ЮНЕСКО. Менухин в течение шести лет (1969-1975) состоял его Президентом и теперь, перед тем, как сдать свои полномочия, выступал с отчетным докладом в Колонном зале Дома Союзов. Читал он свой доклад на чистейшем русском языке, что неудивительно, ибо родители его, как известно, были выходцами из России. Наряду с анализом проведенной за отчетный период работы, Менухин говорил о благородной миссии музыки, дружбе народов и т.д.

В заключение своего выступления он поблагодарил Министерство культуры и Союз композиторов СССР за прекрасную организацию конгресса ММС, подчеркнув при этом, что ему было очень приятно выступить в Москве – столице страны, подарившей миру таких великих современников, как Дмитрий Шостакович, Михаил Шолохов, Борис Пастернак и ... Александр Солженицын(!).

Слова эти произвели на весь зал и особенно на Президиум, где восседали руководящие работники Министерства культуры и Союза Композиторов, впечатлительная разорвавшаяся бомба. Ведь как раз в это время шла оголтелая кампания травли и преследования Солженицына, закончившаяся его изгнанием из страны.

После окончания выступления Менухина вместо ожидавшейся овации раздались жидкие апло-

Иегуди Менухин

ПОСЛАНЕЦ АНГЕЛОВ –

ИЕГУДИ МЕНУХИН

дисменты ошарашенного зала. Кто бы посмел...

В перерыве заседания я решил заглянуть за кулисы. Менухин, только что закончивший разговор с каким-то иностранным делегатом конгресса, стоял один. Я быстренько поздравил его с «интересным докладом» и тут же отошел. Тем не менее мой «легкомысленный» поступок не остался незамеченным и вечером в Союзе композиторов меня строго-престрого отчитали.

Через несколько дней предстояла еще одна встреча с великим артистом. В Большом зале консерватории Менухин играл скрипичный концерт Бетховена. Говорили, что артист выступает после долгого перерыва и что он очень волнуется. Но вот раздалось вдохновенное пение скрипки и зал погрузился в божественный мир музыки.

Во время исполнения второй части я неожиданно почувствовал, что мои глаза увлажнились, потекли слезы. Это была эмоциональная реакция на эстетическое потрясение.

Овациям не было конца, зал требовал «бисов», но Маэстро со своей лучезарной улыбкой ограничился лишь бесчисленными поклонами. Невольно вспомнились слова Альберта Эйнштейна

(кстати, скрипача – любителя!), сказанные после того, как он впервые услышал игру 12-летнего Менухина: «Теперь я знаю. Бог есть!»

Пробившись с помощью удостоверения делегата конгресса в артистическую, я поздравил великого скрипача и к моему изумлению и восторгу, услышал от него: «Спасибо, как поживаете?» (Неужели, запомнил меня?!) Незабываемое воспоминание!

Свои заметки хочу дополнить сравнительно недавней, знаменательной информацией. Примерно, года три назад, по телеканалу «Культура» прошла большая передача о Менухине, из которой я узнал, что артист, оказывается, увлекался йогой.

Но меня особенно поразила фраза из выступления Менухина перед многочисленной израильской аудиторией: – Да, был еврейский холокост, но ведь были также славянский и цыганский холокосты! Не надо об этом забывать!

Так мог сказать лишь истинный Творец от Бога, стоящий выше всех человеческих, международных, местных и прочих страстей, каковым, конечно же, был и остается неповторимый Иегуди Менухин!

На гастролях в Сухуми. 1975

АКТЕР БЫВШИМ НЕ БЫВАЕТ

■ **Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Мы встретились случайно, в Грибоедовском. Я его не узнала, хотя, конечно, должна была. Разговорились. И тут я поняла, что слышу знакомый голос и вижу знакомое лицо. Этим голосом говорили более 60-ти персонажей Тбилисского театра кукол. А сам артист выходил на сцену легендарного русского ТЮЗа в спектаклях «Собачий вальс», «Вождь краснокожих», «Брак по конкурсу», «Снежная королева»... Сколько же зрителей слышали и видели его! Как минимум, три поколения.

Математик с высшим образованием, Давид Енукашвили в свое время стал актером-кукольником, драматическим артистом и в общей сложности проработал в театре более 35-ти лет.

В разные годы был завтруппой, заместителем художественно-го руководителя театра, ассистентом режиссера, членом UNIMA (Union Internationale de la Marionnette, Международная ассоциация деятелей кукольных театров) с правом голоса на международных совещаниях. И всегда – актером.

Я поняла, что познакомилась с человеком, чья жизнь – сама история. История детского русского театра в Тбилиси. Поэтому случайная встреча перестала быть случайной, а мимолетный разговор перерос в интервью.

– Вы окончили физико-математический факультет педагогического института. Ничто не предвещало, что пойдете в актеры?

– Предвещало. Мама. Она меня водила на все спектакли во все театры. И я мечтал быть артистом. Всегда.

– Из всех театров больше всего привлек драматический?

– Я очень увлекался балетом. Даже ходил в класс к Вахтан-

гу Михайловичу Чабукиани. Но параллельно жил и нормальной жизнью - играл в волейбол. А потом повредил ногу и больше танцевать не мог. Если бы этого не произошло, я бы стал танцовщиком.

– А мальчишки не дразнили, что вы балетом занимаетесь?

– А мне плевать было! Мои друзья меня не давали в обиду. А сам я всегда был тихим воспитанным еврейским мальчиком.

– Только скрипки не доставало.

– На скрипку меня не взяли – нет абсолютного слуха. Брели на фортепиано, но я не захотел. Играл в школьном драмкружке, в народном театре. Но когда окончил школу, папа заявил, что я пойду в артисты только через его труп. Категорически. Мама нравилось, как я играл в само-

Давид Енукашвили. 1977

деятельности, но ей казалось, что я все-таки не гений. А не гений в актерском деле даром никому не нужен. И я пошел в математики.

– **Физик и лирик в одном флаконе.**

– Именно.

– **Учились с удовольствием?**

– Нет... По окончании по распределению уехал работать в Россию. Преподавал в школе-интернате города Котлас Архангельской области – это бывшее место ссылки политзаключенных. В интернате учились разные дети – сироты, дети с полустанков, где нет школ. С округи в сто километров. Педагог для них был всем – и отцом, и матерью, и другом. Проработал я два года и вернулся в Тбилиси.

– **Почему?**

– Опять-таки – мама. Истосковалась... В Тбилиси работал в разных школах. Единственная, которую я очень любил, – 98-я, на Авлабаре. Там не было штата, и директор Вадим Брешков вызывал меня на замену. Вот это был педагог от бога! Дети его обожали. Даже хулиганы вели себя идеально. Он умел их заинтересовать, задеть какие-то струны в их душах. Этому не научишь, это дар свыше. Таким же даром, кстати, обладал мой педагог биологии Михаил

Григорьевич Налбандян в 25-й средней школе. Когда он лежал в больнице, у него постоянно дежурили ученики – школьники и выпускники за много лет. Больные удивлялись – сколько же у тебя детей! Когда он умер, выяснилось, что каждая из книг его роскошной библиотеки была подписана в дар тому или иному ученику. А все свои сбережения он завещал тем своим ученикам, кто пошел в биологи... В общем, поработал я в тбилисских школах. Маялся, честно говоря. В России было легче, потому что там я был не только преподавателем, но и педагогом. А сухое преподавание математики меня не вдохновляло. И вот летом 1969 года я пришел поступать в театральный институт. Мне было 26 лет. Мне вежливо сказали, что неудобно такому дедушке поступать на первый курс.

– **Но ведь известны случаи, когда люди с высшим образованием поступали в театральный. Алла Демидова, например.**

– А вы послушайте. Профессор Рэм Давидович Шаптошвили, который набирал курс, отвел меня к директору ТЮЗа Ирине Гоциридзе. И сказал – если тебе нужны «брюки», то возьми. На тот момент ей «брюки» были не нужны, но она записала мой

телефон. И 1 февраля 1970 года она мне позвонила. Я был принят в Театр кукол. На зарплату 60 рублей. И был счастлив! Многих из коллег я знал – мы когда-то вместе играли в народном театре.

– **Но вы, наверное, почувствовали разницу между самодеятельным и профессиональным театром.**

– Еще бы. Поначалу сидел тихо. А потом начал набирать темп. Через три года меня перевели в основной состав, а через шесть лет я стал ведущим артистом. В этом мне очень помогли мои старшие коллеги по сцене – Михаил Коркошвили, Ольга Соколовская, Михаил Тагиров, Нина Федорченко. Я им очень благодарен.

– **В чем специфика работы в театре кукол? Что самое сложное, что самое важное?**

– Актер театра кукол – это и кукловод, и актер. Но главное в кукольном театре – все-таки не кукла, а актер. И когда ты говоришь верно, то эта деревяшка, которую держишь в руках, оживает. Она сама знает, что ей делать, куда смотреть и как играть.

– **Но ведь это очень трудно – одновременно и играть,**

«Здравствуй, здравствуй, добрый день!»

и вести куклу. И руки, наверное, затекают.

– Повторяю, когда ты точно говоришь, тебе не надо думать о том, как управляться с куклой. Она все делает сама. Все происходит автоматически.

– Вы играли на две сцены...

– Да, долгое время я был единственным актером, кто работал и в театре кукол, и в ТЮЗе. Первой работой в ТЮЗе стала роль Волка в спектакле «Зайка-заянычка». Театр уехал на гастроли, а спектакль остался в Тбилиси. Пробовали многих, но режиссер Владимир Вольгуст

– Ну, вот вы и получили свой актерский диплом!

– Извините, но до этого я получил, считаю, не менее важные «дипломы» – от Сергея Владимировича Образцова за «38 попугаев» и Сергея Параджанова за «Снежную Королеву». Они не кричали, что я гений. Конечно, нет. Но отметили мои работы.

– А как вас заметил Образцов?

– Рассказываю. В советское время было так: писалась пьеса для театра Образцова. Если он

«Золотой цыпленок»

«Золотой цыпленок»

был категоричен: или Енукашвили, или я снимаю спектакль. Это был мой первый выход на «живую» сцену. В спектакле «Комбле» я заменил уехавшего Женю Басилашвили. В спектакле по Гольдони один из актеров тоже уехал в Россию, и меня позвали на роль. Ставил Дато Сакварелидзе, это был его диплом. Я сыграл. Как сыграл – не знаю. Но когда было обсуждение, на котором присутствовал Михаил Иванович Туманишвили, то мою работу он отметил. А поскольку за два дня до этого он смотрел спектакль у нас в кукольном, то изумился – как, это один и тот же актер? Что же вы его прячете?

ее принимал, то другим театрам разрешали играть ее только через несколько лет. Пьеса «38 попугаев» ему не понравилась. И ее пустили в свободное плавание по Союзу. Мы ее взяли и поставили. В Тбилиси проходил фестиваль UNIMA. И на наш спектакль «38 попугаев» пришел Образцов. Я играл Попугая. Жду выхода за кулисами, нервничаю, еще бы – сам Образцов смотрит. И тут кто-то говорит – он спит. И как раз мой выход. Ну, сейчас разбудим, думаю. Свою первую реплику я проорал. Образцов проснулся, стал слушать и с интересом досмотрел до конца. После спектакля ко мне подошел Витя Ря-

бов, очень талантливый актер из театра Образцова и кукловод от бога, и спросил: «Объясни мне, как ты играешь Попугая?» – «Просто говори текст. Но помни – это еврейский ребенок, который скрипку оставил дома. Вот и все». А Сергей Владимирович, посмотрев наш спектакль, сказал – теперь я знаю, как это надо делать. И поставил спектакль у себя. И Витя Рябов сыграл Попугая.

– Вы играли на сцене более 35 лет. Менялась ли публика за эти годы?

– Конечно. Первые годы – это восторженные дети. А потом, в середине 80-х... Помню, я убежал после спектакля «Красная шапочка», спешил куда-то, и попал в автобус с детьми, которые вышли со спектакля. И слушал комментарии: что нам показывают, я вчера «Рабыню Изауру» смотрела, а мне тут – «Красную Шапочку». Но в целом – все-таки все зависит от спектакля. Понимаете, как только ребенок теряет нить того, что происходит на сцене, или не слышит, или не понимает, ему становится неинтересно, и он тут же начинает разговаривать, спрашивать, переспрашивать, комментировать...

– **Какие периоды в жизни театра вы бы выделили?**

– Когда я пришел в театр кукол, это был неплохой стабильный театр. А вот с приходом московского режиссера Виктории Смирновой начался подъем. К сожалению, впоследствии она уехала. Хотя долго приезжала, консультировала... Потом к нам пришел Анзор Чиквадзе, выпускник Тбилисского театрального института, прошедший стажировку у Образцова. Это был очень профессиональный режиссер. И еще – он доверял актеру. При нем я сыграл одну из своих самых любимых ролей – Волка в спектакле «Золотой цыпленок». Большое удовольствие получил от работы с Леваном Цуладзе – он поставил спектакль «Соловей» по Андерсену. Я играл Рассказчика – это была единственная «живая» роль в спектакле... В 1998 году русский и грузинский ТЮЗы объединились в один театр, и очень скоро русский театр кукол прекратил свое существование.

художественного руководства Темо Абашидзе, Котэ Сурмава, Резо Мирцхулава... У нас не было «золотого» века. Но у нас были «золотые» спектакли. Например, Адольф Шапиро поставил у нас спектакль, которому, я считаю, не было равных в Грузии, – «Бумбараш». История постановки весьма оригинальна. Это был трудный период в жизни театра, шла борьба, кипели страсти. Намечались штатные сокращения актеров. Но в то время так просто сократить было нельзя. Вопрос должна была рассмотреть всесоюзная комиссия, в которую входил и Шапиро. Ему показали список актеров. Он ответил – дайте посмотреть, как они играют. Посмотрел и сказал: «Я с ними поставлю спектакль». И поставил «Бумбараша». И очень долго этот спектакль был символом, знаком качества нашего театра.

– **Какие еще спектакли, кроме «Бумбараша», были «золотыми»?**

– Свежую струю внес Гия

ТЮЗ запомнился нынешним старшему и среднему поколениям. Каждый Новый год весь город гудел, все стремились на наши елки. Мы начинали играть 19-20 декабря...

– **И играли целый месяц?**

– Ну что вы... Заканчивали 20 февраля.

– **Ого!**

– И всегда были аншлаги. Я в лицо узнавал родителей и детей, которые приходили на сказки по нескольку раз и наслаждались праздником. Вообще Гия – замечательный режиссер и потрясающий человек. У нас служила народная артистка Тамара Папаташвили. В «Снежной королеве» вначале она играла королеву, а потом – бабушку. И на ее юбилейном вечере Гия придумал замечательный ход – вместо королевы появлялся луч света, который говорил голосом Тамары Давыдовны, а она ему отвечала своим же голосом, но – в роли бабушки. Концовка была такая: она входила в огромный шар, он начинал подниматься, улетать и оттуда звучало ее послание актерам – чего она нам всем желает на этой сцене... В зале, конечно, рыдали.

– **У вас нет звания, и с этим, по-моему, связана какая-то история.**

– Когда мне было лет 45, Нелли Шургая, известный критик, спросила, есть ли у меня звание. Узнав, что нет, она развила деятельность. В течение месяца были собраны все необходимые документы, и 7 апреля 1989 года Нелли сообщила, что решение коллегии Министерства культуры о присвоении мне звания положительное, и мои документы направлены в ЦК партии для окончательного утверждения. 9 апреля случилось то, что случилось, и ЦК партии перестал существовать. А потом и звания отменили. Но я не переживаю. Ничего не поделаешь – своеобразное еврейское счастье.

– **Помните любимый анекдот Юрия Никулина? По железной дороге два поезда шли одновременно навстре-**

Капустник Театра кукол. 1996

– **А что касается ТЮЗа...**

– Когда я был молод, ТЮЗ гремел! Это был первый конкурент Грибоедовского! Но и его история тоже развивалась всплесками.

– **Как говорит Николай Свентицкий, театр, как давление, скачет.**

– Точно. Я застал периоды

Кития. Он поставил прекрасные спектакли «Собачий вальс», «Вождь краснокожих», «Снежная Королева». Я считаю, что Кития был одним из очень немногих режиссеров, который знал, что нужно детям, какие струны в их душе надо затронуть... А какие потрясающие новогодние сказки он ставил! Фейерверк! Это то, благодаря чему

чу друг другу. Должна была произойти катастрофа. Но не произошла. Поезда не встретились. Почему? Не судьба.

– Да...

– За годы работы в театре у вас было множество интересных встреч. Какие вспомнить особенно приятно?

– Таких встреч действительно было очень много. Расскажу об одной. Был период, когда я ушел из ТЮЗа – мы с братом создали Театр миниатюр, приходилось много разъезжать. Как раз в это время в Тбилиси шли большие концерты с участием Михаила Жванецкого, Аркадия Арканова, Александра Иванова. И мы пригласили их к нам, в Театр миниатюр. Сели по-студенчески – грузинский хлеб, вино, колбаса, домашние соленья. Мы что-то сыграли для гостей. В ответ Жванецкий достал свой знаменитый портфель и начал читать совершенно новые вещи, которые тогда еще никто не слышал. Читал часа два и с удовольствием – ему понравилась ситуация. А с Аркановым мы даже подружились на долгие годы.

– Почему вы решили остаться в Израиле?

– Любовь...

– А до этой любви вы были холостяком?

– Дважды разведенным холостяком. Ну и что, подумаешь! Все мы в жизни делаем глупости.

– Чем занимались в Израиле?

– Пытались сделать театр... Не получилось. Ну, шла жизнь так, как шла. А потом появился проект «Между строк» – русскоязычный фильм. Сосватала меня туда актриса Маша Ованова, выпускница Тбилисского театрального института, одно время служившая в Грибоедовском. Я прошел, так сказать, кастинг, и меня утвердили на роль. Потом я узнал, что попал на кастинг первым. И после меня уже никого не вызывали. Сразу сказали: играть будет он.

– А что за фильм?

– Это история о жизни редак-

ции русскоязычного журнала. Масса сюжетных линий. Действие происходит в здании, где на одном этаже расположена редакция, а на другом – ресторан. Я играю хозяина ресторана, грузина, который подкармливает журналистов, одалживает деньги.

– Кто еще снимался в этом фильме?

– Леонид Каневский. При первой встрече с ним я не выдержал и запел: «Наша служба и опасна, и трудна...» Он с грустью посмотрел на меня и сказал: «И вы туда же?» На съемках он спросил: «Ну, как будем играть? По Станиславскому?» Я ответил: «Давай так – как ты просишь, так я тебе и отвечу». – «Мне это нравится». Атмосфера на проекте была замечательной – я подобного никогда не встречал. Все любили друг друга. И очень уважали.

– Почему вы вернулись?

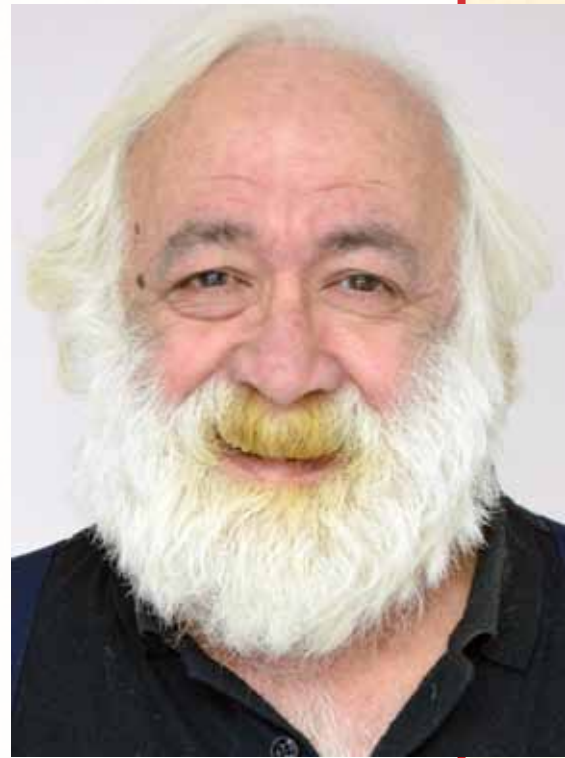
– Закончились съемки, я немного заработал и решил, что имею моральное право вернуться на родину. В ТЮЗе как раз восстанавливали «Золотого цыпленка». И Михаил Антадзе, который тогда был главным режиссером, спросил меня: «Не хочешь ли ты войти в спектакль?» Я вошел. И мы сыграли. «А не хочешь ли ты остаться поработать?» – «Конечно, почему бы нет». А через неделю мне позвонили из Израиля и пригласили на новую роль в кино. Но я остался работать в ТЮЗе.

– А что сейчас?

– Сейчас я в ТЮЗе не работаю... Когда ТЮЗ возглавил Дмитрий Хвтисиашвили, он клятвенно пообещал, что из русской труппы не будет уволен ни один человек. Этого не произошло. Более того, на мой взгляд, ТЮЗ перестает быть театром для детей и подростков. В репертуаре, например, «Зимняя сказка» и «Много шума из ничего» Шекспира. При всем уважении к Шекспиру – это не для детей. Ну что тут поделаешь?

– Артисты бывшими бывают?

– Конечно, нет. Как артист может быть бывшим? Я, конеч-

Давид Енукашвили

но, не выхожу играть на улицу. Но когда не спится – играю. Не буду вдаваться в подробности, но я с самого начала знал, что при новом художественном руководителе надолго не задержусь. Более того, я вам скажу честно: если бы ситуация, после которой я перестал быть артистом ТЮЗа, повторилась снова, то я, даже зная наперед, как все сложится, опять поступил бы так же, как поступил. Но ничего! Жизнь-то продолжается!

– Каким должен быть ваш завтрашний день, чтобы вам было радостно и хорошо?

– Когда в свое время наш заслуженный артист Михаил Михайлович Коркошвили вышел на пенсию, то спустя какое-то время пришел в театр и попросил Ирину Гоциридзе взять его хотя бы гардеробщиком. Конечно, при его статусе на такое никто не пошел. И через два месяца его не стало.

– То есть из театра уходить нельзя.

– Я считаю, что да. Хотя есть актеры, которым было бы лучше вообще не входить в театр. Но это другой вопрос.

СЛЕЗЫ РУСТАВЕЛИ

■ Светлана САБУЦКАЯ-БУАЧИДЗЕ

Плачущий человек подобен ливню или тихому дождю. Светлые ручьи слез, прокладывая дорогу к чувствительным сердцам, понятнее слов, они смывают преграды между миром и собой, и в них нуждается суровая жизнь, состоящая из битв и страданий, но исполненная благих намерений когда-нибудь очеловечиться.

Это явление природы столетиями изучается учеными, мыслителями и воспевается поэтами.

Чтобы пролился дождь, необходимо перемещение атмосферного давления, смена тепла и холода, превращение горячего пара в прохладный дождь.

Человеческие слезы – это безмолвный упрек в несовершенстве мира, невысказанный крик о помощи и, как это ни странно, проявление радости и восторга в предчувствии нелегкой победы.

Поэт-рыцарь взывает к милости в виде сочувствия и приобщения к страданию другого, потому что не умирает в душе поэта желание разделить неразделимое, высказать невысказанное, что и является отзвуком плывущего острова Поэзии, ищущего гармонию.

Не появилось ли музыкальное созвучие (многоголосие) в эпоху, когда пролилась странная слеза, не с этого ли момента люди начали очеловечиваться?

Пролившиеся поэтические слезы растворяются не в крови, а во времени и в воздухе, они проникают в души чувствительных и рациональных читателей, взывая и к уму, и к сердцу, то есть к согласию между ними, к рождению гармонии.

О чем рассказывают слезы Таризэла? Бесцветная жидкость повествует о тоске и отчаянии, заполнивших сердца. Но разве любовь – это только тоска и грусть? Значит ли это, что чем больше слез, тем больше любви? Наверное, правильнее сказать, чем больше любви, тем больше благородных слез, оплакивающих непредсказуемое будущее влюбленных. Слезы, рождающиеся в тайне, трансформируются во что-то тайное, скажем, в Надежду, которую все согласны приютить в душе навсегда. Вот почему поэма кончается свадебными пирами и всеобщим торжеством, вселяющими читателям

Шота Руставели

оптимизм и Надежду.

Надежда – дама-невидимка довольно непредсказуемая, она может и упорхнуть в неизвестном направлении.

Когда совсем плохо, слез нет, они застывают, как густки смолы на дереве, сворачиваются, как прокисшее молоко.

Если читатель способен пролить непредсказуемые «слезы Руставели», то и Надежда станет более покладистой и обязательно вернется.

В конце концов, что же такое слезы? Это, прежде всего, – непредсказуемый знак доверия и открытости, зеленый дорожный свет безопасности. Но и к таким слезам относятся по-разному: кого-то они удивляют, кого-то смущают, есть и такие, кого они раздражают.

Новый отсчет времени начинается с нового видения слез.

Остановимся на тех читателях (их немало), кого они волновали и продолжают волновать, выстраивая генетическую цепь поколений, желающих помочь осушить слезы Таризэла, который плача, возможно, предвидел не только свою судьбу, но и будущую судьбу Ромео и Джульетты, отчетливо понимая, что дорога жизни на каждом повороте

Серго Кобуладзе. Иллюстрация к «Вепхистнаосани»

готовит неожиданные сюрпризы. Вот не поверите, какие. Слезам, оказывается, можно тоже позавидовать, если их начинают сравнивать с перлами, сформированными водой и отблесками заглядывающего иногда на глубину солнечного света, щедро распространяющего свою палитру, пусть даже разбавленную, размытую, но прекрасную и небесно-недосягаемую. Таковы слезы Тариэла.

Плачут либо сами, пряча собственные «перлы» в тишине, либо как поэты, приглашая всех к собственному плачу, как к столу с изысканными яствами, с уверенностью в том, что отведают их не помешает каждому. Поэты, надеясь, что дорога слез будет протоптана многими читателями, позволяют себе плакать навзрыд, не пряча своих слез, как небо, с которого они обозревают землю на своем плывущем острове. Став небом и оплавав его слезами, поэты приглашают людей и небо свидетельствовать, что плач со слезами, который проникает в почву, оставляет глубокий след не только в ней, но и в сердцах многих поколений, поверивших, что

счастливая любовь и взаимопонимание (дружба) возможны.

Слезы – это язык потерь и скорби, надежды и счастья, язык, способный объединить всех. Каков процент скорби надежды, счастья в плаче, предстоит еще подсчитать на электронных весах, затем оценить взвешенное по шкале ценностей, а шкала, как градусник, скачет вверх-вниз в зависимости от температуры слез. Нелегкая это работа... Как измерить неизмеримое? Как понять невысказанное?

Поэтический язык – эзопов язык сотворчества, язык заговорщиков, язык самой природы, которую поэты призывают в свидетели. Каким образом? Например, Роза, которой посвящено столько стихов, с точки зрения высокой красоты, доставшейся на ее долю, – цветок цветов. Роза – прекрасный цветок и одновременно – явление природы. У поэтов роза – одушевленный предмет, служащий измерением восприятия неподвластной слову красоты. Взгляните на розу! Что можно еще сказать о ней, чего не сказано в поэзии всех времен и народов? Поэзия отсылает к розе, слезам, рыданиям, как к явлениям природы, к которым современный человек стал равнодушным и безучастным, изолированный и отгороженный прочными стенами добротных домов. Розы, произрастающие за высокими стенами, недосягаемые для взгляда и заставляющие мечтать, и розы, мельтешащие перед глазами, которые можно купить в магазине – это разные розы. Роза, которая продается на каждом шагу, перестала быть царицей, и как бы она ни была красива, она перестала разговаривать с нами о вечности на языке поэтов. Но безгласные Розы, окружающие нас в огромном количестве, свидетельствуют и напоми-

Михай Зичи. Иллюстрация к поэме

Мераб Бердзенишвили. Бюст Шота Руставели

нают о розе, вдохновившей Руставели и заставившей его творить. Язык розы воскресает у Руставели как символ жизни и красоты.

Цветы, камни – самоцветы и драгоценные камни – зывают к нам, как слезы героев поэмы, повергая современного читателя в загадочный мир поэтической души, которую пощадило время, потому что ни розы, ни камни не ушли из нашей жизни, они просто перестали разговаривать с нами на языке вечности, которая создала их с единственной целью – облагородить человеческую речь, обогатив ее дарами природы, продолжающими присутствовать среди нас и зывать к нам теми же розами, камнями, слезами.

***

Оправдали ли слезы Руставели его намерение и замысел поэта наградить каждого живущего еще одним языком – языком природы, который не должен оставаться непонятным, если вдруг кому-то придет в голову поменять язык общения. Сколько бы языков не знал человек, язык природы объединяет сильнее всего. Есть страны, где розы не растут, потому что не успевают насладиться солнцем или влагой. В таком случае поэма написана и для них, так как воображаемые цветы – всегда самые яркие. А живая роза покорит каждого, кто захочет ее увидеть и вдохнуть ее аромат.

Язык поэзии – это язык самой Вечности и ее загадок.

Слезы – ручей, поток, река, водопад, море, океан. Как добраться до суши?

Слезы – это пробуждение души, «и божество, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь». Все оттенки человеческих переживаний не обходятся без них.

Поэма о Любви? Или поэма о безумии любви? Где кончается одно и начинается другое? Процесс познания и размышления продолжается, но не повернул ли он в обратную сторону? Не является ли поэма XII века неким барометром века нынешнего и последующих?

Руставели волнуют не только любовные приключения, но и судьбы народов. Могут ли народы понять друг друга и на каком языке?

В поэме этот язык очевиден и понятен всем – это язык взаимопомощи и взаимопонимания.

Благодаря Руставели путешествие в прошлое возвращает читателя в свой собственный век просвещенным и обогащенным обнадеживающими впечатлениями. Руставели беседует с читателем на

Вардзия

Во дворе храма Светицховели

высшем уровне в эпоху, когда многие не умели читать. Ах, как мало было читающих и как много было благодарных слушателей! Каким загадочным представлялся исписанный лист или льющияся строки поэмы, заученные наизусть безумцами-миджнурами, передающими пламя любви Руставели из века в век, сохраняя и поддерживая костры желаний, из которых единственное и самое сильное желание – это рассказать о своей душе, в существование которой то верят, то не верят.

Если душе суждено выжить, слезы радости и торжества будут услышаны.

Жизнь – постоянное поле сражения.

Льющиеся слезы Руставели – это сострадание, сочувствие и надежда, что их можно осушить добродетельными дружескими отношениями, где «моя боль – это твоя боль», «мое горе – это твое горе» или «твоя боль – это моя боль», «мое горе – это твое горе». Это идеализм? Не потому ли плачущие всех веков уединялись, предчувствуя, что придет время и от плачущих будут устраняться, говоря «это твоя проблема»? Действительно, неплохо и на себя надеяться и, как Таризел, вступить в поединок с самим собой.

Испытания начинаются с момента этой встречи.

Когда душа начинает разговаривать с поэтом он, ошеломленный, повествует ее историю, видя себя и Таризелом, и Автандилом, которым так недостает друг друга, но узнают они об этом только при встрече, рассказывая о себе и сопоставляя события своей жизни.

Странное ощущение испытывает современный читатель, отправившийся благодаря поэме туда,

где его никогда не было, но жили другие люди, с которыми хочется познакомиться. Читатель поражен, что оказался не только среди драгоценных камней, самоцветов, дивных растений – кипарисов и алоэ и цветов роз, фиалок, лилий, шафрана, но среди образованных людей, праздников, охоты и битв. Можно подумать, что поэт считает язык камней и цветов более надежным и понятным для последующих эпох. Читатель – странник во времени – от избытка благоухающих цветов, сверкающих камней, жестокости, безрассудства, благородства и слез погружается в атмосферу жизни, которая, хоть и была реальной, но явилась к нам изысканным плодом с невидимого дерева, произрастающего на острове Поэзии, где перебираются драгоценности так называемого бытия, то есть создается шкала ценностей, которая стремится к тому, чтобы стать осознанной последующими поколениями, помнящими о хрупкости жизни.

Наверное, осознанием хрупкости жизни и вырабатываются генетические коды стран и народов, и Слезы Руставели пролиты не напрасно.

Камни – долговечнее людей, цветы, следуя зову сезонов, расцветают в предназначенный срок, камни и цветы могут стать посредниками между людьми, разговаривая о жизни и смерти, радости и печали, любви и ненависти на понятном поэтам языке.

P.S. А теперь представьте гармоничное пение «Мравалжамиер» – гимна жизни и долголетия, который звучит во славу плывущего в небесах острова, омываемого земными слезами.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

НА ПРАЗДНОВАНИИ
ТБИЛИСОБА

